

ВИРУС ЛИБЕРАЛИЗМА

САМИР
АМИН

перманентная война
и американизация мира

самир амин

**ВИРУС
ЛИБЕРАЛИЗМА**
ПЕРМАНЕНТНАЯ ВОЙНА
И АМЕРИКАНИЗАЦИЯ МИРА

Москва
Издательство «Европа»
2007

УДК 327.2
ББК 66.4(0)
А98

Samir Amin. The liberal virus:
permanent war and the Americanization of the world

Перевод с английского
Шогди Нагиба и Сергея Кастальского

Самир Амин

A98 Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира / Пер. с англ. Ш. Нагиба, С. Кастальского. – М.: Издательство «Европа», 2007. – 168 с.

Нынешний американский проект, направленный на установление господства над миром посредством военной силы, восходит корнями к европейскому либерализму, однако некоторые черты либеральной идеологии получили в нем новое и исключительно опасное развитие.

Если европейская политическая культура начиная с французской революции отдавала центральное место понятиям равенства, американское государство эволюционировало в слугу интересов капитала, и только его.

Эта модель ныне насаждается в глобальных масштабах. Империализм США будет отличаться большой степенью, выражаемой в разграблении ресурсов и уничтожении жизни бедных людей.

«Вирус либерализма» показывает, как американская модель «демократии низкой интенсивности» одновременно размывает гражданство и классовое сознание, заменяя их идеей демократизации как постоянно развивающегося процесса, фундаментально важного для прогресса человечества.

The ongoing U.S. project to dominate the world through military force has its roots in European liberalism, but has developed certain features of liberal ideology in a new and uniquely dangerous way.

Where European political culture since the French Revolution has given a central place to values of equality, the American state has developed to serve the interests of capital alone. This model is now being imposed on a global scale.

U.S. imperialism will be far more barbaric than earlier forms of imperialism, pillaging natural resources, and destroying the lives of the poor.

The Liberal Virus shows how both citizenship and class consciousness are diluted in the “low-intensity democracy” of the U.S. model and argues instead for democratization as an ongoing process – of fundamental importance for human progress – rather than a fixed constitutional formula designed to support the logic of capital accumulation.

УДК 327.2
ББК 66.4(0)

ISBN 978-5-9739-0108-0 © Издательство «Европа», 2007

ВИРУС ЛИБЕРАЛИЗМА

ПЕРМАНЕНТНАЯ ВОЙНА
И АМЕРИКАНИЗАЦИЯ
МИРА

введение

К концу двадцатого столетия мир поразила болезнь. Не для всех она стала фатальной, однако пострадали от нее все. Вызывавший болезнь вирус был назван «вирусом либерализма». Этот вирус впервые появился примерно в XVI веке в треугольнике с вершинами в Париже, Лондоне и Амстердаме. Симптомы проявления болезни казались тогда безобидными. Мужчины, которых вирус поражал чаще, чем женщин, не только привыкли к нему, выработав необходимые антитела, но и оказались способны воспользоваться порождаемым вирусом избытком энергии. Затем вирус пересек Атлантику и прижился среди тех,

кто, не обладая антителами, распространял его дальше. В результате этот недуг начал принимать крайние формы.

Этот вирус вновь объявился в Европе ближе к концу XX века, вернувшись из Америки, где он подвергся мутации. Окрепнув, он сумел одолеть множество антител, выработавшихся у европейцев на протяжении трех предыдущих столетий. Вирус вызвал эпидемию, которая могла стать смертельной для всего человечества, если бы не самые крепкие из обитателей Старого Света, которым удалось пережить эпидемию и, в конце концов, победить болезнь.

Вирус вызывал у своих жертв любопытную шизофрению. Люди больше не хотели жить как целостные существа, организовываясь ради производства того, что является необходимым для удовлетворения их нужд (ученые называли это «экономической жизнью») и одновременно совершенствуя институты, правила и обычаи, позволяющие им развиваться (те же ученые называли это «политической жизнью»), сознавая, что эти два аспекта социальной жизни неразделимы. С тех пор они время от времени впадали в состояние *homo oeconomicus*, человека экономического, перекладывая на «рынок» ответственность за автоматическое регулирование их «экономической жизни», и так же время от

времени превращались в «граждан», доверяя избирательным урнам свои пожелания относительно того, кому следует нести ответственность за установление правил игры в их «политической жизни».

Кризисы конца XX и начала XXI столетий, которые сейчас благополучно и окончательно остались позади, были следствием неразберихи и тупиковых ситуаций, порожденных этой шизофренией. Разум – настоящий, а не по американскому образцу – в конечном счете поборол заболевание. Все выжили: европейцы, азиаты, африканцы, американцы и даже техасцы, которые с тех пор сильно изменились и стали походять на нормальных людей.

Я нарисовал этот счастливый конец не потому, что являюсь неисправимым оптимистом, а потому, что если следовать иному сценарию, писать историю будет просто некому. Другой вариант развития событий предполагает правоту Фукуямы – либерализм возвестил о конце истории. Все человечество погибло в Холокосте. Последние оставшиеся в живых техасцы сплотились в банды бродяг, которые, в свою очередь, также были принесены в жертву по приказу предводителя их секты, которого они считали харизматической фигурой. Его тоже звали Бушем.

По моему представлению, история нашей эпохи когда-нибудь будет описана имен-

но таким образом. В любом случае, с помощью этих понятий я и предлагаю проанализировать вышеупомянутые кризисы.

«ЛИБЕРАЛЬНЫЙ» ВЗГЛЯД НА ОБЩЕСТВО

Основополагающие идеи, на которых основывается господствующее либеральное видение мира, просты и могут быть вкратце изложены следующим образом.

Либералы ставят знак равенства между социальной эффективностью и эффективностью экономической, которую, в свою очередь, путают с финансовой доходностью капитала. Подобное упрощение отражает характерное для капитализма преобладание экономики над всем прочим. Порожденная идеей такого преобладания атрофированная общественная мысль до крайности «экономистична». Любопытно, что этот упрек, несправедливо направленный против марксизма, на самом деле служит характеристикой капиталистического либерализма.

Развитие общих законов рынка (тех, в которые по возможности меньше вмешиваются) и демократии объявлены взаимодополняющими. А вопрос о конфликте между обще-

ственными интересами, выраженными вмешательством в рынок, и общественными интересами, предающими смысл и являющимися сутью политической демократии, даже не поднимается. Экономика и политика не образуют два измерения социальной реальности, которые, будучи автономны сами по себе, взаимодействуют в рамках диалектических отношений; фактически капиталистическая экономика управляет политикой, созидательный потенциал которой она уничтожает.

Очевидно, самая «развитая» страна, в которой политика находится целиком на службе у экономики – понятно, что это США, – предъявляется «всем» в качестве лучшей модели. Ее институтам и порядкам должны подражать все те, кто надеется поспеть за развитием событий на мировой арене.

Альтернативы для предложенной модели, которая основывается на «экономистических» постулатах, тождестве рынка и демократии, а также подчиняет политику экономике, не существует. Социалистический вариант, опробованный в СССР и Китае, продемонстрировал свою экономическую неэффективность и политическую недемократичность.

Следовательно, сформулированные выше постулаты обладают силой «вечных

истин» (истин «Разума»), проявившихся в ходе развития новейшей истории. Их торжество неизбежно, особенно после исчезновения альтернативных «социалистических» экспериментов. Как и было сказано, мы все действительно движемся к концу истории. Исторический Разум восторжествовал. Этот триумф означает, что мы живем в лучшем из возможных миров, по крайней мере потенциально, потому что так оно и будет, когда его основополагающие идеи будут приняты всеми и воплощены в жизнь повсеместно. А причина всех изъязнов сегодняшней действительности только в том, что вечные принципы Разума еще не воплощены в жизнь в тех обществах, которые страдают неполноценностью – в первую очередь на «глобальном Юге».

Гегемония Соединенных Штатов, являясь нормальным проявлением их передовой роли в использовании Разума (обязательно либерального), таким образом, одновременно и неизбежна, и желательна для прогресса всего человечества. Не существует «американского империализма», есть только благородное лидерство («доброкачественное», или безболезненное, каким его считают либеральные американские мыслители).

Эти «идеи» являются центральными для либерального мировоззрения. На самом деле, как мы увидим далее, эти идеи есть ничто иное, как бессмыслица, основанная на

псевдонауке – так называемой чистой экономике – и сопутствующей ей идеологии – постмодернизме.

«Чистая» экономика как теория никак не соотносится с реальным миром, она описывает не реально существующий капитализм, а капитализм вымышленный. Это даже не полноценная теория последнего. Предпосылки и развитие аргументов не отвечают требованиям логической последовательности. Это всего лишь псевдонаука, которая более смахивает на знахарство, нежели на естественные науки, законам которых она якобы пытается подражать. Что касается постмодернизма, то он только ведет сопутствующие разговоры, призывая нас действовать исключительно в рамках либеральной системы, «приспособиться» к ней.

Преобразования в гражданской политике требуют того, чтобы движения сопротивления, протеста и борьбы против реальных последствий внедрения этой системы освободились бы от вируса либерализма.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ПСЕВДОТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЛИБЕРАЛИЗМА

ВЫМЫШЛЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ И ПСЕВДОТЕОРИЯ «ЧИСТОЙ» ЭКОНОМИКИ

Концепция капитализма не может быть сведена к идее «обобщенного рынка», «рынка в обобщенном смысле»: напротив, она как раз определяет суть капитализма силами, действующими за пределами рынка. Это часто встречающееся упрощение подменяет анализ капитализма, основанный на социальных отношениях и политике, через которую находящиеся за пределами рынка силы проявляют себя, теорией вымышленной системы, управляемой «экономическими законами» (то есть «рынком»), которые – если их предоставить самим себе – и приводят к «оптимальному балансу». Но в реально существ-

вующем капитализме классовая борьба, политика, государство и логика накопления капитала неразделимы. Следовательно, капитализм по своей природе является таким порядком, в котором последовательные состояния неустойчивости обуславливаются социальными и политическими противоречиями, находящимися за пределами рынка. Предлагаемые вульгарной экономикой либерализма концепции – как, например, «отмена регулирования» рынков – не соответствуют реальности. Так называемые нерегулируемые рынки – это рынки, регулируемые властью монополий, находящихся за пределами рынка.

Экономическое отчуждение¹ – это специфическая форма капитализма, которая управляет воспроизводством общества в целом, а не только воспроизводством его экономической системы.

Закон стоимости управляет не только экономической жизнью капитализма, но и

¹ Автор использует два разных выражения, для того чтобы передать концепцию отчуждения в капиталистическом обществе: *«l'alienation marchande»* и *«l'alienation economiste»*. Оба выражения переведены здесь как «экономическое отчуждение» по двум причинам: 1) это более уместное выражение, нежели его альтернативы («рыночное отчуждение» или «коммерческое отчуждение») и 2) оно выражает ту во многом экономическую природу отчуждения, эндемичную капиталистической общественной реальности, которая обязана своей спецификой господству экономического и своему отделению от других аспектов общественной жизни. (Прим. переводчика на английский.)

всей общественной жизнью в таком обществе. Эта особенность объясняет, почему при капитализме экономика возводится в ранг «науки», при этом законы, управляющие развитием капитализма, распространяются на современные общества (и на людей, из которых они состоят) как «законы природы». Другими словами, из общественного сознания изымается тот факт, что эти законы происходят из особенностей социальных отношений, характерных именно для капитализма, а не из некоего находящегося за рамками истории свойства человека, противостоящего вызовам голода и нужды. Именно так, по моему мнению, Маркс понимал «экономизм» – уникальную характеристику капитализма.

Кроме того, Маркс проливает свет на врожденную неустойчивость этого общества в том смысле, что воспроизводство его экономической системы никогда не стремится к достижению какого-либо рода общего равновесия, а переходит из одного состояния неуравновешенности к другому самым непредсказуемым образом. Можно объяснять эти состояния задним числом, но невозможно предугадать их заранее. «Конкуренция» капиталов, которой определяется капитализм, подавляет возможность достижения какого-либо общего равновесия, что делает иллюзорным любой анализ, берущий за основу такую предполагаемую тенденцию. Капитализм синонимичен постоянной нестабильности.

Сочленение логических последствий конкуренции капиталов с логическими последствиями развития производственных общественных отношений (между капиталистами, между капиталистами и эксплуатируемыми ими классами, между государствами, которые придают капитализму очертания мировой системы) объясняет, постфактум, динамику этой системы, переходящей из одного состояния нестабильности в другое. Другими словами, капитализм не существует вне классовой борьбы, конфликтов между государствами и политическими устремлениями. А мысль о том, что есть некая управляющая развитием капитализма экономическая логика, возможность понять которую дает нам научная экономика, иллюзорна. Теории капитализма в отрыве от его истории не существует. Теория от истории неотделима, как нераздельны экономика и политика.

Я сделал упор на эти два измерения радикальной марксистской критики именно потому, что они являются теми измерениями реальности, которые не известны буржуазной общественной мысли. На самом деле эта мысль «экономистична» с самого своего возникновения в эпоху Просвещения. Тот «Разум», на который она ссылается, присваивает капиталистической системе, приходящей на смену Старому Порядку, некую трансисторическую легитимность, знаменующую «окончание истории». Впоследствии в попытке дать

ответ критике Маркса ударение делалось именно на этом экономическом отчуждении. Начиная с Вальраса чистая экономика усугубляет «экономизм» буржуазной общественной мысли. Она подменяет анализ реально действующего капитализма мифом о саморегулирующемся рынке, который, подчиняясь своей внутренней логике, стремится к осуществлению общего равновесия. А нестабильность отныне не считается имманентным свойством подобной логики, но является результатом несовершенств реальных рынков.

Экономика, таким образом, превращается в рассуждения, которые не имеют своей целью познание реальности; ее функцией становится не более чем попытка узаконить капитализм, приписывая ему имманентные качества, которыми он не может обладать. Чистая экономика становится теорией вымышленного мира.

Господствующие силы являются такими потому, что им удастся навязать жертвам свои формулировки. «Эксперты» этой условной экономики сумели создать иллюзию, что их анализ и выводы носят характер императива, так как они «научны», а следовательно, объективны, нейтральны и неизбежны. Это неправда. Так называемая чистая экономика, на которой основывается их анализ,

имеет дело не с реальностью, а с вымышленной системой, которая не обращается к реальности, а поворачивается к ней спиной. Реально существующий капитализм – нечто совсем иное. Эта воображаемая экономика смешивает понятия и путает прогресс с экспансией капитализма, а рынок – с капитализмом. И для того чтобы создать эффективные стратегии, социальные движения должны освободиться от этой путаницы.

Смешение двух концепций – реальности (капиталистической экспансии) и желаемого (прогресса в точно оговоренном смысле) – лежит в основе множества разочарований, выраженных в критике применяемых мер. В господствующих рассуждениях понятия постоянно смешиваются. Они предлагают меры по экспансии капитала, а затем называют «развитием» то, что получилось или должно получиться.

Экспансия капитала не подразумевает каких-либо результатов, которые можно было бы признать годными в плане «развития». Она не предполагает, например, полной занятости или предварительно оговоренных средств, предназначенных для покрытия неравного (или равного) распределения доходов.

Эта логика может повлечь за собой, при определенных условиях, и экономический рост, и стагнацию, и расширение заня-

тости, и ее сокращение, может уменьшить неравенство доходов или же усугубить его – в зависимости от обстоятельств.

Опять же постоянная путаница понятий «рыночная экономика» и «капиталистическая экономика» становится причиной опасной слабости критики внедряемых стратегий. «Рынок», который по своей природе предполагает конкуренцию, – это не «капитализм», определяемый именно теми границами конкуренции, которые подразумеваются наличием монополий или олигополий (для ограниченного числа людей) на частную собственность. «Рынок» и капитализм представляют собой два разных понятия. Реально существующий капитализм, как прекрасно показывает в своем анализе Бродель, является противоположностью даже воображаемого рынка.

К тому же реально существующий капитализм не функционирует даже как система конкуренции между теми, кто получает выгоду от монополии на собственность, или конкуренции между ними и остальными. Функционирование этой системы требует вмешательства коллективного органа власти, представляющего капитал в целом. Таким образом, государство неотделимо от капитализма. Меры экономической политики капитала – стало быть, и государства, в той степени, в которой оно представляет капитал, – характеризуются конкретными логическими этапами. Именно этими логическими

этапами объясняется тот факт, что в определенные периоды времени экспансия капитала влечет за собой рост занятости, а в другие – ее сокращение. Эти логические этапы не являются проявлением «законов рынка», сформулированных абстрактно, а подчиняются требованиям рентабельности капитала при определенных исторических условиях.

«Закона капиталистической экспансии», который действует чуть ли не как сверхъестественная сила, не существует. Не существует исторического детерминизма, который бы предшествовал истории. Тенденции, присущие логике капитала, постоянно сталкиваются с силами, противостоящими их действию. Реальная история, таким образом, является продуктом столкновения между логикой экспансии капитала и развитием общественных сил, противостоящих его экспансии.

В этом смысле государство редко является просто государством капитала: оно находится в самом центре конфликта между капиталом и обществом.

Например, индустриализация послевоенного периода с 1945 по 1990 годы не была естественным результатом экспансии капитала, а скорее была вызвана теми условиями, которые накладывали на капитал победы национально-освободительных движений, вынуждавшие стремящийся к глобализации ка-

питал приспособливаться к этой индустриализации. И эрозия эффективности национального государства, вызванная капиталистической глобализацией, не является непреложным детерминантом будущего. Напротив, реакция национальных государств на глобализацию может задать глобальной экспансии непредсказуемую траекторию в лучшую или худшую сторону в зависимости от обстоятельств. Например, важные изменения в капиталистическое регулирование может внести забота о состоянии окружающей среды, находящаяся в конфликте с логикой капитала (по своей природе краткосрочной). Такие примеры можно приводить до бесконечности.

Эффективные решения этих сложнейших задач могут быть найдены только в том случае, если мы поймем, что история не подчиняется непогрешимым экономическим законам. История складывается из общественных реакций на описываемые этими законами тенденции, которые, в свою очередь, определяются общественными отношениями в сфере действия этих законов. Эти «антисистемные» силы – если говорить об их упорядоченном, связном и эффективном противодействии одностороннему и тотальному подчинению требованиям мнимых законов (на самом деле просто-напросто закону прибыли, который характерен для капитализма как системы) – влияют на ход развития реальной

истории не меньше, чем «чистая» логика капиталистического накопления. Эти силы управляют возможностями и формами экспансии, которая развивается в заданных ими рамках.

Предлагаемые здесь методы не дают возможности заранее сформулировать «рецепты», позволяющие обустроить будущее. Будущее – это результат трансформации социальных и политических отношений тех сил, которые, в свою очередь, сами порождены противостояниями, чей исход заранее неизвестен. Однако мы способны обдумывать этот процесс – ради кристаллизации связных и реализуемых проектов – и таким образом помочь общественным движениям избежать ложных решений. Без подобного анализа такие движения могут запросто увязнуть в поисках.

Проект гуманистического подхода к решению задачи противостояния глобальной экспансии капитализма – это ни в коем случае не утопия. Напротив, это единственно возможный реалистичный проект, поскольку уже первые шаги в этом направлении быстро привлекут могущественные общественные силы, способные придать ему определенную логику. Утопией, в расхожем и негативном смысле этого слова, является как раз метод управления системой, понимаемый как рыночное регулирование.

ПОСТМОДЕРНИЗМ КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ДОПОЛНЕНИЕ ЛИБЕРАЛИЗМА

Постмодернистские рассуждения – это идеологический вспомогательный инструмент, который в конечном счете узаконивает либерализм и призывает нас ему покориться.

Очевидная победа либерализма – в его самой упрощенной и жесткой североамериканской разновидности – не является толчком к омоложению капитализма за счет американской энергичности, того капитализма, который в старой Европе пострадал от государственного регулирования и идеи государства всеобщего благосостояния. Противопоставление «юной Америки», у которой есть будущее, «старой Европе», как известно, – любимая тема проамериканских рассуждений.

Наступление либерализма фактически имеет целью со всей жестокостью преодолеть растущие противоречия капитализма, который отжил свое и не может предоставить человечеству никаких перспектив помимо самоуничтожения.

Устаревание капитализма выражается не только в сферах экономического и социального воспроизводства. На этой не вызывающей сомнений инфраструктурной основе

зигнуты и множественные проявления отхода буржуазной универсалистской мысли (вместо которой в новых идеологических дискурсах подается постмодернистская сборная солянка), и регресс в практике политического руководства (ставящий под вопрос буржуазную демократическую традицию).

Именно эти отступления лежат в основе идеологических дискурсов постмодернизма. Апеллируя ко всякого рода вульгарным предрассудкам, порожденным такими как наш периодами хаоса, постмодернизм, не заботясь о связности, регулярно предъявляет аргументы, заставляющие усомниться в концепциях прогресса и универсализма. Постмодернизм также не озаботился серьезной критикой соответствующих проявлений культуры Просвещения и буржуазной истории, не проанализировал их нынешние противоречия, усугубляемые моральным износом системы, а удовольствовался подменой настоящей критики убогими суждениями либеральной американской идеологии: «живи в ногу со временем», «приспосабливайся», «живи сегодняшним днем» – то есть воздерживайся от размышлений о природе системы, и в частности от вопросов, касающихся ее сиюминутного выбора.

Прославление врожденных различий – вместо того чтобы приложить необходимые усилия для преодоления ограничений буржуазного универсализма, – таким образом, дей-

ствуется в полном согласии с требованиями современного империалистического проекта глобализации, который может породить только систему апартеида в глобальных масштабах, основанную на реакционных идеологиях «коммунитаризма» в североамериканской традиции. То, что я называю «культуралистским» упадком, который выходит сегодня на передний план, внедряется и управляется хозяевами системы. Ничуть не реже за него в смятении хватаются угнетаемые народы (в форме так называемого религиозного или этнического фундаментализма). Это то самое «столкновение варварств», как писал Жильбер Ашкар, которое заставляет самореализовываться тезис Хантингтона.

Эта путаница в понятиях вкупе с уходом от предыдущих достижений буржуазной мысли ведут к деградации политической жизни. Сам принцип демократии основывается на возможности альтернативного выбора. Но в демократии необходимости больше нет, поскольку эта идеология сделала приемлемой идею того, что «альтернативы не существует». Приверженность этому метасоциальному принципу высшей рациональности позволяет устранить необходимость и возможность выбирать. Так называемый принцип рациональности «рынков» в идеологии отмирающего капитализма как раз и соответствует этой задаче. Демократическая жизнь таким образом лишается своего содержания,

и открывается дорога к тому, что я называю «демократией низкой интенсивности» – то есть к избирательной клоунаде, где парады с тамбурмажорами заменяют политические программы, к «обществу спектакля».

Политика становится полной бессмыслицей, она больше не работает и теряет всяческую возможность придавать смысл и связность альтернативным общественным проектам.

Но не сама ли буржуазия как организованный господствующий класс движется к тому, чтобы «изменить свой облик»? В течение всего исторического периода своего подъема буржуазия формировалась как главный определяющий фактор «гражданского общества». Что отнюдь не предполагало такого уровня стабильности предпринимателей-мужчин (женщины в тот период практически в расчет не принимались) или даже семейных династий – конкуренция всегда подразумевала определенную мобильность этого класса, где банкротствам сопутствовал подъем нуворишей, – которая позволяла бы этому классу тесно сплотиться вокруг определенных систем ценностей и поведенческих кодов. В прежние времена господствующий класс уверял, что респектабельность его членов доказывает законность его привилегий. Но сегодня все выглядит совершенно иначе. В мире бизнеса и

политики одерживает верх нечто скорее похожее на мафиозную модель. Более того, граница между этими двумя мирами, которая, хоть и не была герметичной, но все же характерной для предшествовавших историческому капитализму систем, постепенно размывается. Эта модель характерна не только для стран третьего мира или так называемых социалистических стран Востока – она становится нормой даже в самом центре капиталистической системы. Как иначе можно охарактеризовать личности типа Берлускони в Италии, Буша (замешанного в скандале с Enron) в Соединенных Штатах и многих других?

Однако одряхлевшая система вовсе не намерена «мирно доживать свой век». Напротив, это старческое слабоумие сопровождается ростом агрессивности.

Мировая система вовсе не перешла в новую «неимпериалистическую» фазу, которую иногда называют «постимпериалистической». Наоборот, по своей природе это – империалистическая система, дошедшая до предела агрессивности (не встречая эффективного сопротивления, она извлекает все возможные ресурсы). Негри и Хардт представили анализ Империи (без империализма), фактически – Империи, сведенной к Триаде, то есть, к трем крупнейшим регио-

нам капитализма: Соединенным Штатам, Европе и Японии, игнорирующей весь остальной мир. К сожалению, этот анализ сделан в традициях Запада и модного ныне интеллектуального дискурса. Различие между новым и предыдущим империализмом надо искать не в этом. В прошлом империализм был множественным (конфликтующие «империализмы»), а нынешний стал коллективным (то есть Триадой – при этом она следует в кильватере гегемонии Соединенных Штатов).

Из этого факта следует, что «конфликты» между партнерами по Триаде носят второстепенный характер, в то время как основным является конфликт между Триадой и всем прочим миром. Этим объясняется и то, что под напором американской гегемонии прекратил свое существование европейский проект. Более того, на предыдущем этапе империализма накопление основывалось на бинарной связи между индустриальными центрами и неиндустриальными перифериями, в то время как в новых условиях между теми, кто пользуется благами новых центральных монополий (технологиями, доступом к природным ресурсам, средствами связи, оружием массового уничтожения), и перифериями – индустриализованными, но все еще подчиненными посредством этих монополий, – существует противостояние. Чтобы обосновать свой тезис, Негри и Хардту следовало бы дать строгое политическое определение феноме-

на империализма («проекции национальной власти за пределы своих границ») вне какой-либо связи с требованиями к накоплению и воспроизводству капитала. Это определение, берущее начало в заурядной университетской политической науке, особенно в ее североамериканской разновидности, – с порога отмечает все соответствующим образом поставленные вопросы. Их рассуждения вращаются вокруг категории «империя», помещенной вне истории, и таким образом могут заботить себя различиями между Римской, Оттоманской, Австро-Венгерской, Российской, Британской колониальной и Французской империями. Не делается и попыток рассмотрения особенностей этих исторических образований – они просто уподобляются друг другу.

На деле же глобальная экспансия капитализма всегда подразумевает политическую интервенцию господствующих сил – то есть государств системного центра – в общества подчиненной им периферии.

Эта экспансия не может осуществляться исключительно в рамках экономических законов; ее необходимо дополнять политической поддержкой (а если потребуется – и военной) со стороны государств господствующего капитала. В этом смысле экспансия всегда сугубо империалистическая – даже в том

смысле, которое Негри вкладывает в понятие «проекция национальной власти за пределы своих границ» (следует только уточнить, что эта власть принадлежит капиталу). И получается, что современное вмешательство Соединенных Штатов является империалистическим в ничуть не меньшей степени, чем все колониальные завоевания XIX столетия. Цели, которые сегодня преследует Вашингтон, например, в Ираке – а далее везде, – не что иное, как установление диктатуры (а не «демократии»), которая помогала бы американскому капиталу грабить природные ресурсы страны. Глобализированный «либеральный» экономический порядок нуждается в непрекращающейся войне с бесконечной чередой военных вторжений, являющейся единственным способом подчинения народов периферии.

Империя нового типа, напротив, наивно определяется как «сетевая структура власти», чей центр находится везде и нигде, таким образом принижая значимость национального государства. Более того, причина такой трансформации видится в основном в воздействии, оказываемом развитием производительных сил (технологических революций). Это поверхностный и упрощенный анализ, который выводит технологическую мощь за рамки тех общественных отношений, внутри которых она действует. Мы снова узнаем тезисы доминирующего дискурса,

популяризированного Роулсом, Кастелсом, Турейном, Рифкиным и другими приверженцами североамериканской либеральной политической мысли.

Подлинные вопросы, которые ставит слияние политической инстанции (государства) и реальности глобализации и которые должны находиться в центре анализа того, что может быть «нового» в эволюции капиталистической системы, просто-напросто обходятся с помощью необоснованного утверждения, что государство-де почти прекратило свое существование. На самом же деле даже на предыдущих этапах всегда бывшего глобализированным капитализма государство отнюдь не было всемогущим. Его власть всегда была ограничена той логикой, в соответствии с которой в каждую данную эпоху развивалась глобализация. Валлерстайн даже дошел до того, что присвоил глобальным детерминантам решающую роль в судьбах государств. В наши дни ситуация остается прежней, поскольку различие между глобализацией (империализмом) настоящего и прошлого следует искать в другом.

Новый империализм действительно имеет центр – Триаду, а центром центра, стремящимся к осуществлению своей гегемонии, являются Соединенные Штаты.

Триада осуществляет свое коллективное господство над всеми перифериями планеты (три четверти человечества), используя институты, которые были созданы для этой цели и находятся под ее управлением.

Некоторые институты ответственны за управление экономикой мировой империалистической системы. Среди них основным является Всемирная торговая организация (ВТО), подлинная задача которой – не гарантия, как утверждается, «свободы рынков», а напротив – сверхзащита монополий (центра) и установление систем производства для периферий как функции от этой основной потребности. Международный валютный фонд (МВФ), который не озадачивает себя заботой об отношениях между тремя основными валютами (долларом, евро и иеной), выполняет функции коллективного колониального денежно-кредитного органа управления Триады. А Всемирный банк является чем-то вроде Министерства пропаганды «Большой семерки». Другие аналогичные институты осуществляют политический контроль, в частности НАТО, который заменил собой ООН как рупор мировой общественности. Достаточно жестким проявлением империалистической реальности является систематическое осуществление Соединенными Штатами военного контроля над планетой. Негри и Хардт в своем труде не рассматривают вопросы, связанные с ролью

этих институтов, как, впрочем, не упоминают и множество фактов, которые не вписываются в их тезис о «сетевой структуре власти»: военные базы, силовые вторжения, роль ЦРУ и т. д. Жестокость вторжения США в Ирак делает все рассуждения о «мягкой империи капитализма» смехотворными.

Точно так же в угоду туманной категории «множества», аналогичной «населению» в вульгарной социологии, исключаются и подлинные вопросы о классовой структуре системы, выдвинутые технологической революцией. На самом деле вопрос надо формулировать иначе: каким образом развивающаяся технологическая революция (в реальности которой нельзя усомниться), как и любая другая технологическая революция, разрушает старые формы организации труда и классовую структуру – при том что новые очертания и организации труда, и классовой структуры еще не различимы на первый взгляд?

С целью придать империалистическим порядкам Триады и гегемонии Соединенных Штатов видимость легитимности система породила свой собственный идеологический дискурс, соответствующий новым агрессивным задачам.

Рассуждения о «столкновении цивилизаций» целиком и полностью призваны утвердить «западный» расизм и вынудить об-

ществленное мнение согласиться с установлением режима апартеида в глобальных масштабах. Такой дискурс, по моему мнению, гораздо важнее лирических рассуждений о так называемом обществе сетевой структуры.

Та популярность, которую получил тезис об «Империи» среди западных левых и молодежи, по моему мнению, происходит в целом от содержащегося в нем негативного отношения к государству и нации. Государство (буржуазное) и национализм (шовинистический) всегда справедливо отвергались радикальными левыми. Следовательно, утверждение, что с приходом нового капитализма начинается их упадок, может только радовать. Но, увы, это предположение неверно. Поздний капитализм, конечно же, ставит на повестку дня объективную необходимость и перспективу ослабления закона стоимости; в этом контексте технологическая революция делает возможным развитие общества сетевых структур; углубление глобализации, естественно, ставит под сомнение существование наций. Однако отмирающий капитализм, посредством яростного империализма, занят уничтожением всех возможностей эмансипации. Надежда, что капитализм может приспособиться к освободительным преобразованиям, другими словами – сам того не желая, может привести их в действие с таким же успехом, как это сделал социализм, – эта надежда теплится в самом сердце амери-

канской либеральной идеологии. Задача этой идеи в том, чтобы обмануть нас и заставить забыть о масштабе настоящих проблем, а также о тех усилиях, которые требуются для их решения. Предлагаемая стратегия борьбы с государством идеально совпадает со стратегией капитала, всячески старающегося «ограничить государственное вмешательство» («отмена регулирования») для собственной выгоды, сведя роль государства к полицейским функциям (не подавляя государства полностью, а только ликвидировав политическую жизнь и позволив государству выполнять прочие обязанности). Подобным же образом «антинациональные» рассуждения поощряют признание Соединенных Штатов в качестве военной сверхдержавы и глобального полицейского.

На самом деле требуется нечто иное: разработка политической практики, признание ее абсолютной важности и продвижение общественной и гражданской демократии, с предоставлением народам и нациям в условиях глобализации более широкого поля действия. Предположим, что применявшиеся прежде формулы потеряли эффективность в новых условиях. Предположим также, что отдельные противники неолиберальной и империалистической действительности не всегда видят это и живут в тоске по прошлому. Но это не означает, что проблемы не существуют.

ПОСЛЕДСТВИЯ – ФАКТИЧЕСКИ СУЩЕСТВУЮЩИЙ ГЛОБАЛИЗИРОВАННЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ

Псевдотеория либерализма и сопутствующий ей идеологический дискурс сулят спасение всему человечеству. Это обещание игнорирует все уроки истории. Реально существующий глобализированный либерализм не может породить ничего, кроме усугубления неравенства между народами (глобальной поляризации) и внутри самих народов (глобального Юга и Севера). Это обнищание, непременно сопровождающее накопление капитала, в свою очередь делает невозможной демократию, ликвидируя творческий потенциал в развитых центрах (путем подмены демократией низкой интенсивности новых шагов в социальном управлении процессом перемен) и упрощая до уровня фарса возможное внедрение на перифериях очевидных демократических политических реформ.

Поляризация занимает центральное место в истории глобальной экспансии реально существующего капитализма. Под этим я

понимаю постоянно растущий разрыв между центрами глобальной капиталистической системы и ее перифериями. Это новое явление в истории человечества. Разрыв увеличился за последние два века до такой степени, что с тем опытом, которым обладало человечество в прошлом, уже ничего общего не осталось. Борьбаться с этим явлением можно только путем постепенного строительства посткапиталистического общества, жизнь в котором действительно будет лучше для всех.

Капитализм развивал производственные силы в таком темпе и с таким размахом, аналогов которым во всей предыдущей истории не существует. Но в отличие от любой предшествующей системы он одновременно увеличил и разрыв между потенциальными возможностями, которые дает это развитие, и извлекаемой из него фактической пользой. Достигнутый сегодня уровень научного и технологического знания должен, по идее, позволить разрешить все материальные проблемы человечества. Однако логика, согласно которой средство (закон прибыли, накопление) превращалось в самоцель, стала причиной чудовищной растраты потенциала и неравенства доступа к возможным преимуществам. До XIX столетия разрыв между ставшим возможным благодаря знанию потенциалом развития и фактически достигнутым уровнем развития был мизерным. Это понимание отнюдь не должно

заставлять нас испытывать тоску по прошлому – капитализм был необходимым условием для того, чтобы освоить тот потенциал развития, который достигнут сегодня. Однако его время истекло, и если он продолжит следовать своей логике, это приведет лишь к еще большим растратам и неравенству. Ежедневно на протяжении двух последних столетий «закон обнищания» потрясающим образом находил свое подтверждение в масштабах всего мира. Поэтому не стоит удивляться тому, что именно в тот момент, когда капитализм, казалось бы, одержал полную победу, неизбежной ссылкой в риторике господствующих групп стала «борьба с нищетой».

Растрата и неравенство представляют собою оборотную сторону картины, своего рода «черную книгу капитализма». Они напоминают нам о том, что капитализм – это лишь отступление истории, а не ее конец; что если его не преодолеть, создав систему, которая положит конец глобальной поляризации и экономическому отчуждению, он может привести только к самоуничтожению человечества.

Построение гражданской демократии предполагает, что общественный прогресс должен быть основан на внедрении демократии, а не зависеть исключительно от рынка, который никогда не приносил ожидаемых выгод.

ПЕРВОЕ ПОСЛЕДСТВИЕ: ИГНОРИРУЕМЫЕ ОБНИЩАНИЕ И ПОЛЯРИЗАЦИЯ МИРА

Является ли нищета или обнищание прямым последствием процесса накопления? Сегодня модно рассуждать о нищете и о необходимости ее если не искоренения, то по крайней мере сокращения. Это все рассуждения о благотворительности в стиле XIX века, в которых почти нет места анализу экономических и социальных механизмов, порождающих нищету, а ведь мы живем в эпоху, когда у человечества достаточно научных и технологических возможностей, чтобы ее полностью искоренить.

Капитализм и новый аграрный вопрос

Все предшествовавшие капитализму общества были крестьянскими, пусть методы ведения сельского хозяйства были различными. При этом определяющая стратегия капитализма (максимальная рентабельность капитала) была им чужда. Капиталистическое сельское хозяйство, представленное классом новых богатых крестьян и даже хозяев модернизированных латифундий или большими владениями, которые эксплуатировались транснациональными агропромышленными корпорациями, подготовило наступление на крестьянское сельское хозяйство. Зеленый свет

этому наступлению был дан на встрече ВТО в Дохе в ноябре 2001 года. Однако в настоящее время сельскохозяйственный и крестьянский мир все еще составляет по крайней мере половину человечества. Но этот мир разделен на две части, которые полностью отличаются как экономически, так и социально.

Капиталистическое сельское хозяйство, управляемое принципом рентабельности капитала, сосредоточено в Северной Америке, Европе, в южной части Латинской Америки и в Австралии. В нем занято несколько миллионов фермеров, которые, по сути, не являются «крестьянами». Но производительность их хозяйств – результат механизации (распространяющейся исключительно на эти регионы) и объема сельскохозяйственных площадей, находящихся в их собственности, – дает возможность получать урожай от 10 000 до 20 000 центнеров зерновых на работника в год.

С другой стороны, крестьянским земледелием занята почти половина человечества – три миллиарда человек. Эти земледельцы, в свою очередь, разделяются на тех, кто воспользовался достижениями «зеленой революции» (удобрения, пестициды, высококачественные семена), но все еще почти не механизировал хозяйство – и их производительность колеблется в пределах от 100 до 500 центнеров на работника, и на тех, кто не получил пользы от «зеленой революции» –

их производительность составляет лишь около 10 центнеров на работника.

Соотношение между производительностью хорошо оборудованного земледелия и крестьянского земледелия, которое до 1940 года составляло 10:1, сегодня составляет 2000:1. Другими словами, темпы роста производительности сельского хозяйства в значительной степени превзошли темпы роста в других сферах деятельности, что привело к сокращению действительной цены в пропорции 5:1.

Капитализм всегда сочетал созидательное измерение (накопление капитала и развитие производственных сил) с рядом деструктивных измерений, таких как сведение человека к роли рабочей силы, рассматриваемой как товар; долговременное разрушение надежных естественных основ воспроизведения средств производства и жизни; уничтожение сегментов более древних обществ, а порой и целых народов, как, например, североамериканских индейцев. Капитализм всегда одновременно и «интегрировал» (например, рабочих, подвергавшихся различным формам эксплуатации все расширяющимся капиталом, он «использовал» их в самом прямом смысле), и исключал (в частности, тех, кто, потеряв позиции, которые они занимали в более старых системах, не были интегрированы в новую). Но на этапе своего роста, в прогрессивной фазе, он скорее интегрировал, чем исключал.

Теперь все обстоит совершенно иначе, что вполне конкретно и драматически продемонстрировал новый аграрный вопрос. На конференции в Дохе в ноябре 2001 года ВТО потребовала интегрировать в сельское хозяйство целый комплекс общих правил «конкуренции». Если это произойдет и сельскохозяйственные и пищевые продукты превратятся в «такой же товар, как и все остальное», это повлечет за собой определенные последствия, поскольку между агропромышленными предприятиями, с одной стороны, и производителями-крестьянами – с другой, существует явное неравенство.

Дополнительные двадцать миллионов современных хозяйств – если предоставить им стратегически важные площади (при этом отобрав их – в первую очередь лучшие почвы – у производителей-крестьян) и доступ к рынкам капитала, что позволит приобрести нужное оборудование, – могут полностью вытеснить крестьянскую продукцию, потребляемую ныне состоятельными городскими потребителями. Однако что станет с этими миллиардами неконкурентоспособных производителей-крестьян? За несколько десятков лет они будут безжалостно истреблены. Что станет с миллиардами людей, в большинстве своем уже живущих за чертой бедности, но все еще способных так или иначе прокормить себя? Трети из них это уже едва удастся (три четверти голодающих нашей

планеты проживают в сельской местности). Пятьдесят лет относительно конкурентного индустриального развития, даже если согласиться с фантастической гипотезой о стабильном семипроцентном годовом росте для трех четвертей человечества, просто не могут дать возможности для выживания этой оставшейся одной трети. Другими словами, капитализм по своей природе не способен решить крестьянский вопрос, и единственная перспектива, которую он может предложить, – это планетарные трущобы для «лишних» пяти миллиардов человек.

Мы подходим к той точке, когда для того, чтобы предоставить новое пространство для экспансии капитала («модернизация сельскохозяйственной продукции»), станет необходимым уничтожить целые человеческие сообщества.

Двадцать миллионов новых эффективных производителей (вместе с семьями – пятьдесят миллионов человек) – с одной стороны, и пять миллиардов «исключенных» – с другой. Конструктивная составляющая этой операции не сравнима с гигантским размахом катастрофы, которую она вызовет. Из этого я могу заключить одно: капитализм вошел в фазу настоящего старческого маразма и полного упадка. Управляющая системой ло-

гика не может более гарантировать элементарное выживание половине человечества. Капитализм стал варварским и прямо призывает к геноциду. И как никогда прежде необходимо заменить эту логику развития другой, более рациональной.

Апологеты капитализма утверждают, что аграрный вопрос в Европе был решен вместе с исходом населения из деревень. Так почему бы странам Юга два столетия спустя не повторить ту же модель? Но они забывают, что сосредоточенные в европейских городах XIX века промышленные предприятия и сфера обслуживания нуждались в обширных трудовых ресурсах, а также что излишки аграрного населения в массовом порядке эмигрировали в Новый Свет.

Аргумент, что развитие капитализма разрешило аграрный вопрос в центрах системы, казался привлекательным даже для марксистов прошлого. Обратите внимание на знаменитую работу Каутского («Аграрный вопрос»), написанную до начала Первой мировой войны и ставшую библией социал-демократии. Этот аргумент был унаследован ленинизмом и претворен в жизнь – с сомнительными результатами – путем «модернизации» коллективного сельского хозяйства в эпоху Сталина. По сути, капитализм действительно «решил» (по-своему) аграрный вопрос в центрах системы, но на перифериях, будучи неотделим от империализма, он соз-

дал новую аграрную проблему огромных масштабов, которую не способен разрешить, кроме как уничтожив половину человечества путем геноцида.

В лагере марксистов масштаб проблемы осознали только маоисты. Именно поэтому критики маоизма, которые видят в нем «крестьянское уклонение», демонстрируют самим этим суждением, что они не обладают необходимыми инструментами для того, чтобы понять природу реально существующего (и всегда империалистического) капитализма. Они удовлетворяются подстановкой абстрактных рассуждений о капиталистическом способе производства в целом.

Так что же делать?

Необходимо сохранить крестьянское сельское хозяйство на обозримое будущее XXI столетия. Сделать это надо не из романтической тоски по прошлому, а просто потому, что решение проблемы лежит вне плоскости логики капитализма, являясь частью долгосрочного перехода к миру социализма. Поэтому необходимо создать регламентирующие установки для отношений между «рынком» и крестьянским земледелием. На национальном и региональном уровнях эти специфически адаптированные к местным условиям регламенты должны защищать местное производство, обеспечивая необходимую продовольственную безопасность на национальном уровне и нейтрализуя продовольственное оружие империализ-

ма. Другими словами, надо разорвать связь между внутренними ценами и ценами на международном рынке, медленно, но неуклонно повышая производительность крестьянского земледелия, таким образом сделав возможным контроль над миграцией населения из сельской местности в города. На уровне того, что называется мировым рынком, регулирование, возможно, должно происходить посредством межрегиональных соглашений, например, между Европой, с одной стороны, и Африкой, арабским миром, Китаем и Индией – с другой. Это будет отвечать требованиям развития, которое интегрирует, а не отстраняет.

Новый рабочий вопрос

Городское население планеты составляет приблизительно половину человечества, как минимум три миллиарда человек, вторая половина – крестьяне. Статистическая информация дает возможность разделить население на тех, кого можно назвать средними классами, и народными классами. (*Так у автора! – Прим. ред.*)

На данном этапе капиталистической эволюции господствующие классы – формальные владельцы основных средств производства и старшие должностные лица, ответственные за их управление, – составляют лишь малую долю мирового населения, хотя и присваивают себе большую долю доступных общест-

ву доходов. Эта доля остается малой, даже если присовокупить к ним средние классы в истинном смысле этого понятия – тех, кто не работает за зарплату, хозяев малого бизнеса, менеджеров среднего звена, – то есть те группы, чей жизненный уровень достаточно высок.

Однако подавляющее большинство рабочих в современных сегментах производства работает за зарплату, они составляют 4/5 городского населения развитых центров. Эта группа подразделяется как минимум на две категории. Разделительная черта между ними видна и стороннему наблюдателю, и осознается теми, кто к этим категориям принадлежит.

К первой категории можно отнести тех, кто считает свое положение надежным: они уверены в перспективах своей занятости благодаря, помимо прочего, профессиональным навыкам, которые дают им возможность разговаривать с работодателями с позиции силы. В результате такие группы часто организуются – по крайней мере в некоторых странах – в мощные союзы. Во всяком случае эти группы обладают большим политическим весом, который укрепляет их позиции.

Ко второй категории относятся те массы трудящихся, чья ситуация нестабильна. Отчасти это наемные рабочие, чья позиция перед работодателями ослаблена такими факторами, как недостаточная квалификация, отсутствие гражданства или половая принадлежность (женщины), а также те, кто не име-

ет заработка (официально безработные или те, кто занят в неофициальных секторах экономики). Положение трудящихся из этой второй категории следует считать скорее «рискованным», нежели «минимально интегрированным или неинтегрированным» (скорее «маргинализированным»), потому что эти рабочие полностью интегрированы в систему, которая управляет накоплением капитала.

Расположив в таблице доступную информацию о развитых странах и о некоторых странах Юга (данные о которых экстраполируются), получаем итоговые значения пропорционального представительства обозначенных выше категорий урбанизированного населения планеты.

Процентное соотношение городского населения

	ЦЕНТРЫ	ПЕРИФЕРИИ	ВСЬ МИР
Богатые и средние классы	11	13	25
Массы трудящихся	24	54	75
<i>в надежном положении</i>	(13)	(11)	(25)
<i>в опасном положении</i>	(9)	(43)	(50)
Итого	33	67	100
Население (в миллионах)	(1,000)	(2,000)	(3,000)

Несмотря на то, что в центрах проживает лишь 18% населения планеты, 90% из них – урбанизированы, что составляет 1/3 урбанизированного населения планеты.

Если общее число масс трудящихся составляет $3/4$ городских жителей планеты, подсумма тех, кто находится в опасном положении, сегодня составляет 40% масс трудящихся в центрах и 80% на перифериях, то есть $2/3$ масс трудящихся в мировых масштабах. Другими словами, находящиеся в опасной ситуации массы составляют не менее половины городского населения планеты, из них 80% живет на перифериях, то есть $2/3$ городского населения на перифериях и $1/4$ – в центрах.

Взглянув на состав городских масс трудящихся, который существовал полвека назад, в конце Второй мировой войны, мы видим, что он существенно отличался от современного. Доля городского населения третьего мира не превышала половины городского населения планеты (в то время оно составляло около миллиарда человек), в отличие от двух третей в наши дни. В то время еще не существовало ни одного из тех мегаполисов, которые сегодня имеются практически в любой стране Юга – всего несколько больших городов, в частности в Китае, Индии и Латинской Америке.

После Второй мировой войны массы трудящихся в центрах извлекли выгоду из экстраординарной ситуации, создавшейся в результате исторического компромисса, к которому рабочие классы принудили капитал. Этот компромисс гарантировал безопасность большинству трудящихся на больших заводах, организованных по принципу Фор-

да. На перифериях доля тех, кто находился в рискованном положении, всегда была гораздо больше, чем в центрах, однако не превышала половины всей массы трудящихся, в то время как сегодня она равна 70 процентам.

Вторая половина состояла, с одной стороны, из тех, кто, работая за зарплату, чувствовал себя безопасно в новой колониальной экономике и модернизированном обществе, а с другой – из работающих в старых ремесленных отраслях экономики.

Главная общественная трансформация, характерная для продолжительного периода во второй половине XX века, может быть описана следующим наводящим на размышления показателем: *пропорция масс трудящихся, находящихся в рискованной ситуации, выросла с показателя менее 1/4 до более чем 1/2 глобального городского населения; этот феномен обнищания проявился в значительных масштабах и в самих развитых центрах*. Общее число людей, составляющих дестабилизированное городское население, за полвека увеличилось с 250 миллионов до полутора миллиардов человек, что свидетельствует о более стремительном темпе роста, чем темп роста экономической или демографической экспансии, или даже самого движения к урбанизации.

Для описания этой долгосрочной эволюционной тенденции нет лучшего термина, чем «обнищание». В конце концов факт существования самой бедности признается и под-

тверждается в новом господствующем дискурсе: сокращение бедности стало одной из тех основных целей, которые правящие силы, по их утверждению, стремятся достигнуть путем внедрения своих политических принципов. Но рассматриваемая ими бедность представляется лишь как факт, который измеряется эмпирически и весьма приблизительно – через распределение доходов («порог бедности»), или же чуть более точно через составные индексы (как тот, который был предложен ПРООН для «проекта развития человека»), но вопрос о методах и механизмах, приведших к бедности, не ставится.

Наше же изложение этих же фактов вскрывает более глубокие пласты и позволяет приступить к объяснению самого феномена и его эволюции. Средние классы, массы трудящихся, находящиеся в безопасной ситуации, и та их часть, которая находится в ситуации рискованной – все они интегрированы в одну систему общественного производства, но выполняют разные функции. Некоторые из них, безусловно, «отстранены» от благ «преуспеяния», но не маргинализированы – они все же включены в систему функционально.

Обнищание – современный феномен (следует говорить не о «бедности», но о «модернизации бедности»), который никак нельзя свести к недостаточному доходу, не обеспечивающему выживания.

Оно ведет к разрушительным последствиям во всех измерениях общественной жизни. На протяжении «тридцати славных лет» (1945–1975) иммигранты были полностью интегрированы в разряд находящихся в безопасности масс трудящихся – в качестве заводских рабочих. Однако их дети и новые иммигранты оказались на обочине основных систем производства, что в свою очередь создает благоприятные условия для замены классового сознания «общинной» солидарностью. Женщины становятся жертвами этого отсутствия надежности в большей мере, чем мужчины, что приводит к ухудшению материальных и социальных условий их жизни. Феминистским движениям, несомненно, удалось добиться серьезных достижений в идейной и поведенческой сферах, однако выгоду от этих достижений получили исключительно женщины из средних классов, а отнюдь не женщины из обнищавших масс трудящихся. Авторитет демократии, а следовательно, и ее легитимность подрываются ее неспособностью положить конец ухудшающимся условиям жизни этого становящегося все более крупным сегмента масс трудящихся.

Обнищание, будучи естественным результатом экспансии реально существующего капитализма, который по своей природе является империалистическим, неотделимо от поляризации в глобальных масштабах. Обнищание городских масс трудящихся тесно связано

с теми процессами, жертвами которых являются крестьянские общества третьего мира. Подчинение последних требованиям экспансии капиталистических рынков утверждает новые формы социальной поляризации, которая лишает растущую часть крестьянства доступа к земле. Бывшие в недавнем прошлом бедными и безземельными, эти люди вливаются в поток мигрантов, увеличивающих распространение трущоб в большей мере, чем какой-то демографический рост. Все эти явления будут усугубляться до тех пор, пока не будут оспорены либеральные догмы, пока эта тенденция не будет остановлена в рамках корректирующего политического курса.

Обнищание является трудной проблемой, которую следует решать как в рамках экономической теории, так и с точки зрения стратегий социальной борьбы. Традиционная вульгарная экономическая теория обходит подлинные вопросы, выдвигаемые экспансией капитализма. Этот вымышленный капитализм осмысливается как простое и непрерывное продолжение обменных отношений («рынок»), в то время как на самом деле система действует и воспроизводится на основе капиталистических отношений производства и обмена (а не простых товарных отношений). Эта теория затем легко переходит к допущению, что «рынок» регулируется сам по себе и производит социальный оптимум, несмотря на то, что такое допущение не под-

крепляется ни историей, ни рациональными аргументами. «Бедность», таким образом, может быть объяснена только вынесенными за рамки экономической логики причинами, например, демографическими или политическими «ошибками». Их отношение к логике капиталистического накопления изымается из теоретического осмысления.

Теперь же этот **либеральный вирус**, разлагающий современную социальную мысль и препятствующий возможности понять устройство мира, не говоря уж о том, чтобы его изменить, глубоко проник и в сознание всего «исторического левого движения», сформировавшегося после окончания Второй мировой войны. Те движения, которые сегодня включены в общественную борьбу за «другой (лучший) мир» и альтернативную глобализацию, смогут добиться значимых социальных сдвигов, только если они **освободятся от этого вируса**, чтобы вновь приступить к подлинным теоретическим дебатам. Пока же они не свободны, даже самые благонамеренные общественные движения будут находиться в железных тисках не встречающей возражений концепции, а следовательно, будут оставаться заложниками неэффективных «корректирующих» мер, вроде тех, на которых зиждется риторика о «сокращении бедности».

Изложенный выше краткий анализ мог бы поспособствовать началу такой дискус-

сии. Это попытка восстановить тесную взаимосвязь между накоплением капитала, с одной стороны, и феноменом социального обнищания – с другой. Сто пятьдесят лет назад Маркс положил начало анализу находящихся в основе этой связи механизмов, но с тех пор по пути, проложенному этим анализом, решительных шагов так сделано и не было.

*ВТОРОЕ ПОСЛЕДСТВИЕ:
ДЕМОКРАТИЯ НИЗКОЙ
ИНТЕНСИВНОСТИ.
СОЦИАЛИЗАЦИЯ ЧЕРЕЗ РЫНОК
ИЛИ ЧЕРЕЗ ДЕМОКРАТИЮ?*

Демократия является одним из абсолютных условий социального прогресса, но следует прояснить, почему и при каких обстоятельствах. Идея о том, что демократия является одним из таких условий, стала общепринятой совсем недавно. До этого на Западе, как и на Востоке, а также на Юге господствовала догма, что демократия – это «роскошь», которую можно себе позволить только после того, как «развитие» разрешит материальные проблемы общества. Такова была официальная доктрина, разделяемая руководством капиталистического мира (которая позволяла оправдывать поддержку военных диктатур в Латинской Америке и авторитарных режимов в Африке), а также руководством государств

третьего мира (латиноамериканская теория недостаточного развития (*desarrollismo*) ясно иллюстрирует эту доктрину, а однопартийная система вовсе не была прерогативой одних только социалистических государств) и, наконец, советской системы.

Теперь же, буквально в одночасье, все изменилось с точностью до наоборот. Отныне все твердят о том, как они озабочены демократией, а подкрепленные многочисленными свидетельствами заявления о переходе к демократическим нормам стали необходимым условием для обращения за помощью к демократиям богатым. Эту риторику трудно воспринимать всерьез, поскольку известно, что на практике принцип двойных стандартов, применяемый с полным цинизмом посредством откровенных и простейших манипуляций, выдает действительные приоритеты и совершенно иные, неназванные цели.

Демократия – современная концепция в том смысле, что она определяет саму современность и понимается как принятие принципа, что люди по отдельности и сообща – то есть социально – сами в ответе за свою историю. Но чтобы сформулировать эту концепцию, необходимо освободиться от отчужденности, которая характерна предшествовавшим капитализму формам власти, будь они изложены религиозными понятиями или облечены в другие «традиционные» формы. В любом случае они воспринимаются как

вечные общеисторические данности. Рассматриваемая современность появилась вместе с капитализмом, а порождаемая им демократия сохраняет все ограничения капитализма. Ее исторические буржуазные формы, единственные из известных и действующие по сей день, являются лишь одним из этапов. Ни современность, ни демократия не исчерпали потенциала своего развития. Современность и сопутствующая ей демократия не являются стабильными состояниями, они всегда, по сути, представляют собой незавершенный процесс. Именно поэтому предпочтительнее говорить о демократизации, подчеркивая таким образом динамический аспект этого процесса, чем о демократии, тем самым подтверждая иллюзию, будто демократию можно выразить формулой.

С начала эпохи Просвещения буржуазная общественная мысль основывалась на разделении общественной жизни на две разные сферы – экономическую и политическую и выделении затем специфических принципов, являющихся выражением различных требований «Разума» к каждой из этих сфер.

В этом смысле демократия воспринимается как разумный принцип добротного политического управления. Поскольку мужчины (в то время это никогда не относилось к женщинам), а точнее, некоторые мужчины (достаточно обеспеченные и образован-

ные) – разумны, они должны нести ответственность за издание законов, по которым они хотят жить, а также назначать (путем выборов) тех, кто будет ответственен за их исполнение. С другой стороны, экономическая жизнь управляется другими принципами, которые также представляют собой выражения требований «Разума» (рассматриваемого в качестве синонима человеческой природы), такими как частная собственность, право заключать договоры, конкуренция на рынках. Здесь можно выделить группу принципов, характерных для капитализма, которые сами по себе никакого отношения к принципам демократии не имеют. Это тем более очевидно, если эти принципы подразумевают равенство не только мужчин, но и женщин, а также людей всех цветов кожи (памятуя, что американская демократия пренебрегала рабами до 1865 года и отказывала в элементарных гражданских правах их потомкам до 1960 года), обладателей собственности и тех, у кого она отсутствует (учитывая, что частная собственность имеет место быть, только если она эксклюзивна и существуют те, кто не обладает собственностью).

С самого начала разделение экономических и политических аспектов ставит вопрос о том, в каком отношении между собой находятся конкретные логики, управляющие экономической и политической жизнью, сходятся они или расходятся. Самоочевид-

ный постулат в основе модного ныне дискурса утверждает, что между этими двумя аспектами конвергенция существует. Демократия и рынок порождают друг друга – демократии необходим рынок, и наоборот. Это совершенно ошибочное предположение, которое противоречит реальной истории.

Мыслители Просвещения были более требовательны, чем наши вульгарные современники. Они ставили двойной вопрос – почему они сходятся и при каких условиях? Ответ на первый вопрос был подсказан концепцией «Разума» – превозносимого повсеместно общего знаменателя методов руководства. Если люди разумны, следовательно, результаты их политических выборов обязательно согласовываются с результатами, которые, со своей стороны, порождает рынок. Очевидно, что для этого должно выполняться определенное условие, а именно: осуществление демократических прав сохраняется только за теми, кто наделен разумом, то есть за определенными мужчинами, но не женщинами (которые, как хорошо известно, слишком эмоциональны и неразумны), не рабами, не бедными и обнищавшими (пролетариатом), которые всего лишь следуют своим инстинктам. В согласии с этим образом мышления демократия обязательно должна быть ограничена, предназначена для тех, кто является и гражданами, и владельцами собственности. Поэтому можно без труда понять, почему

кандидатуры на выборах всегда или почти всегда соответствуют интересам капиталистов. Однако в то же время политика, сливаясь с экономикой, теряет свою автономность, если не подчиняется ей. Экономическое отчуждение в данном случае явно служит тому, чтобы скрыть утрату политикой своей автономности.

Дальнейшее распространение демократических прав на других, не только граждан-бизнесменов, не было ни спонтанным продуктом капиталистического развития, ни требованием такового. Как раз напротив, распространение этих прав было постепенно завоевано жертвами системы – рабочим классом, а позднее женщинами. Это результат борьбы против системы.

В силу обстоятельств распространение прав могло выявлять возможные противоречия между волей большинства – жертв эксплуатации системой, выраженной в демократическом выборе, и судьбой, уготованной для них рынком. Система рискует стать нестабильной и даже взрывоопасной. Как минимум существует риск и вероятность того, что сам рынок станет ареной выражения интересов, которые не соответствуют приоритетам экономики максимальной рентабельности капитала. Другими словами, для одних (представителей капитала) существует риск, а для других (рабочие-граждане) – возможность того, что рынок будет регулироваться

чуждыми развитию его узкой и однобокой логики методами. Такая возможность действительно существовала – при определенных условиях, например в послевоенном государстве благосостояния.

Но это не единственная возможность замаскировать разрыв между демократией и рынком. Когда при конкретных исторических обстоятельствах фрагментированное движение социальной критики ослабляется из-за того, что никто не в состоянии предложить альтернатив господствующей идеологии, демократия может лишиться всех тех элементов, которые способны наложить на рынок ограничения или являются потенциально для него опасными. И она превращается в «демократию низкой интенсивности». Вы можете голосовать за кого угодно: за белых, синих, зеленых, розовых или красных. В любом случае эффект будет нулевым. Ваша судьба решается в другом месте, за пределами парламента – на рынке. Подчиненность демократии рынку (а не их сближение) отражается и в политическом жаргоне. Ротация тех, кто заседает в правительстве (но не тех, кто правит на самом деле), обязанных всегда делать одно и то же, то есть повиноваться рынку, заменила ясный выбор между различными социальными вариантами и перспективами. И все, что было сказано и написано о превращении гражданского и классового сознания в политический комедийный спектакль и в то-

варное потребление, может быть сведено к этому размежеванию политики и экономики.

Такова наша сегодняшняя действительность. Эта ситуация опасна потому, что разрушение авторитета и легитимности демократических процедур может легко привести к яростной негативной реакции, которая и вовсе отменит эти процедуры, заменив их иллюзорным консенсусом, в основе которого может лежать, например, религиозный или этнический шовинизм. На перифериях системы демократия, лишенная силы под давлением жестких требований дикого капитализма, превратилась в трагический фарс, демократию без какого-либо смысла. На смену Мобуту пришли две сотни мобутистских партий!

Лежащий в основе буржуазной общественной мысли тезис о «естественном» сближении демократии и рынка с самого начала нес в себе опасность той тенденции, свидетелями которой мы являемся сегодня.

Этот тезис предполагает в качестве предварительного условия наличие находящегося в состоянии внутреннего согласия общества, общества, свободного от конфликтов, такого, каким мы его видим в некоторых постмодернистских интерпретациях. Сближение превращается в догму, более не

подвергающуюся сомнению. Таким образом, мы не видим попыток осмыслить в рамках научных методов политику реального мира – вместо этого нам предлагается теория вымышленной политики.

В своей сфере она является аналогом «чистой экономики», которая представляет собой не теорию реально существующего капитализма, а вымышленную экономику. Стоит только поставить под вопрос сформулированный в эпоху Просвещения постулат о «Разуме», стоит только принять во внимание исторический релятивизм общественной рациональности, как становится невозможным принимать пропагандируемые сегодня банальности о конвергенции демократии и капитализма.

Напротив, человек сразу осознает скрытый в капитализме авторитарный потенциал. На самом деле этот опасный потенциал выражается в подходе капитализма к проблеме диалектической связи между индивидуальным и коллективным (общественным).

Противоречие между индивидуальным и коллективным, присущее каждому обществу на всех уровнях действительности, преодолевалось во всех предшествовавших современности системах путем отрицания первого понятия, а именно, «приручением» индивидуума обществом. Индивидуум, таким образом, определялся его/ее статусом в семье, клане, обществе.

Идеология современного (капиталистического) мира перевернула эту формулу – современность утверждает приоритет права индивидуума над общественным правом.

Эта смена приоритетов является лишь предварительным условием потенциального освобождения, потому что она одновременно освобождает перманентную агрессию в отношениях между индивидуумами. Капиталистическая идеология выражает эту реальность в двусмысленной этике: да здравствует конкуренция, пусть побеждает сильнейший. Разрушительные последствия этой идеологии зачастую сдерживаются параллельным существованием других этических принципов, в основном религиозного характера или же унаследованных от других социальных устройств. По мере разрушения барьеров односторонняя идеология прав индивидуума выливается в сущий кошмар.

Существует поразительный контраст между американской идеологией, признающей абсолютный приоритет индивидуальной свободы над социальным равенством (в результате чего оказывается приемлемой и крайняя степень неравенства), с одной стороны, а с другой – европейской идеологией, которая пытается примирить эти два подхода, но, как ни старается, не может в контексте капитализма разрешить данные противосто-

речия. Привязанность граждан Соединенных Штатов к праву на ношение оружия – со всеми вытекающими из этого гибельными последствиями – крайняя форма этой концепции варварской свободы.

Каким образом может диалектический синтез за пределами капитализма дать возможность примирить права индивидуума с коллективными правами? Каким образом возможное примирение может сделать более прозрачными индивидуальную и общественную жизнь?

Социализация, понимаемая как примирение между индивидуальным и социальным, постоянно изменялась на протяжении истории, постоянно принимала разные формы, и каждый раз в основе этого лежали различные причины. В докапиталистических обществах она опиралась на приверженность, добровольную или принудительную, общим религиозным верованиям или на личную верность феодалам или королевским династиям. В современном мире социализация основывается на экспансии капиталистических рыночных отношений, которые постепенно подчиняют себе все аспекты общественной жизни, подавляя или, по крайней мере, главенствуя над всеми другими формами солидарности (национальной, семейной, общинной). Эта форма социализации «рынком», хотя и сделала возможным колоссальное ускорение в развитии производитель-

ных сил, также и усугубила их разрушительные характеристики. Она стремится превратить людей в пассивных потребителей в экономической жизни и пассивных наблюдателей (а не граждан) в политической жизни. Демократия, которая в таких условиях не в состоянии выйти из эмбрионального состояния, может и должна стать основой совершенно иного типа социализации, способного вернуть человеку полную ответственность за управление всеми аспектами социальной, экономической и политической жизни.

Коль скоро социализм – ассоциируемый с такой перспективой термин – не может быть реализован без демократии, то демократизация – в социалистической перспективе – подразумевает наличие некоторого прогресса в конфликте демократии с капиталистической логикой. Не существует социализма без демократии, не может быть и никакого демократического прогресса без социалистической перспективы.

Читатель способен увидеть, что между взаимоотношениями утопического либерализма с практическим управлением в историческом капитализме и социальной идеологией с фактическим управлением в советском обществе существует аналогия, а не противоречие. Мы имеем в виду социалистическую идеологию большевизма, которая имеет в своей основе европейскую социал-демократию того образца, который

существовал до 1914 года – впрочем, большевизм с ней никогда и не порывал. Социалистическая идеология большевизма не ставила под вопрос «естественное» сближение между стоящими за отдельными примерами общественной жизни рациональностями, выдавая за «исторический смысл» упрощенную линейную интерпретацию своего собственного «вынужденного» образа действия. Сближение выражается тем же самым способом – в соответствии с догматическим мышлением управление экономикой по плану (заменяющему рынок) адекватно отвечает всем нуждам; демократия же может только утверждать плановые решения, и противодействовать им нерационально. Однако здесь вымышленный социализм сталкивается с требованиями управления реально существующим социализмом, перед которым стоят реальные и серьезные проблемы, такие как, например, развитие производительных сил с целью «догнать и перегнать». Власть обращается к циничным скрытым практикам. Тоталитаризм присущ обеим системам и выражается одним и тем же способом – систематической ложью. То, что его проявления были более жесткими в СССР, объясняется тем, что обусловленные попыткой догнать Запад задержки в развитии стали тяжелым грузом для системы, в то время как более высокий уровень развития Запада предоставлял его обществам

возможность расслабиться (отсюда, как правило, «мягкие» формы тоталитаризма, вроде консьюмеризма периодов быстрого и легкого роста).

Построение гражданского общества и способной придать истинный смысл демократии гражданской политики невозможно без разрыва с либеральной догмой.

Освобождение от либерального вируса является неременным условием, несоблюдение которого превращает демократию в способ утверждения однобокой диктатуры капитала. Условием для такой интерпретации истории, которая может примирить теорию и реальность, является отказ от тезиса конвергенции, «излишней детерминированности» и принятие конфликта между рациональностями различных вариантов, то есть «недостаточной детерминированности». Это условие также необходимо для выработки стратегий, которые будут гарантировать реальную эффективность всех действий, то есть способствовать социальному прогрессу во всех его измерениях.

ИСТОКИ ЛИБЕРАЛИЗМА

ИДЕОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОСТИ: ЕВРОПЕЙСКАЯ ВЕРСИЯ ИСТОКОВ

Либеральная идеология возникает вместе с современной эпохой и развивается одновременно со становлением капитализма. Все это было придумано в Европе на протяжении трех столетий между Возрождением и Французской революцией.

Современность является продуктом рывка в истории человечества, рывка, впервые обозначившегося в Европе в течение XVI, XVII и XVIII столетий, но до сих пор не завершеного ни там, где он стартовал, ни где-либо еще. Множественные лики современности образуют одно целое с требованиями воспроизведения капиталистического способа производства, однако они не исклю-

чают возможности выхода за пределы капиталистической модели.

Современность основана на требованиях людьми эмансипации, начиная с освобождения от ига социальных ограничений, существовавших в более ранних, традиционных формах общества. Призыв к освобождению нацелен на отказ от господствующих способов утверждения законности власти – в семье, в сообществах, внутри которых формировался образ жизни и способ производства, в государстве, – которая до тех пор основывалась на метафизике, как правило религиозного характера. Современность, таким образом, подразумевает раскол между религией и государством, радикальную секуляризацию как условие развития современных политических форм.

То, что зарождение и развитие современности и капитализма сопутствуют друг другу, не случайно. Характерные для новой системы капиталистического производства общественные отношения предполагают наличие свободного предпринимательства, свободного доступа к рынкам и провозглашения неприкосновенности частной собственности (которая отныне становится «священной»). Экономическая жизнь, освобожденная от политической власти, господствовавшей над ней при прежних порядках, превращается в автономную сферу общественной жизни, подвластную только своим соб-

ственным законам. Капитализм заменяет традиционную прямую зависимость – власть является источником богатства, зависимостью обратной, превращающей богатство в источник власти.

Однако реально существующая современность, которая развивалась в рамках, начертанных капитализмом, и по сей день сохраняет двусмысленность в зависимости между властью и богатством. Эта двойственность проистекает из разделения двух сфер общественной жизни – управления экономикой, за которое отвечает особая логика накопления капитала (частная собственность, свободное предпринимательство, конкуренция), и управления государственной властью, регламентированной практикой политической демократии (гражданские права, принципы многопартийности и т. п.). Это произвольное разделение лишает силы заключенный в современности освободительный потенциал. Развивавшаяся в рамках капитализма современность вследствие этого оказалась противоречивой, обещающей гораздо больше того, что она может реально предложить, плодящей несбыточные мечты.

Современность открывает возможность мощного социального движения вперед, к освобождению. Прогресс политической демократии, каким бы ограниченным он ни был, свидетельствует о такой возмож-

ности. Он даровал легитимность политическому действию угнетенных и эксплуатируемых классов, позволив им поступательно отвоевывать демократические права у власти господствующего капитала – права, которые, следуя логике капиталистической экспансии и накопления, не могли быть получены спонтанно. Он высвободил потенциал политической трансформации, открывающий более широкое пространство для классовой борьбы, объединив понятия «политика» и «классовая борьба» в одно энергетически насыщенное целое. Однако в то же самое время он породил и разработал способы ограничения потенциала действенности освободительной демократии.

Двигаясь и расширяясь вместе с современностью, капитализм способствует развитию производительных сил до невиданного прежде в истории уровня. Это развитие делает возможным разрешение стоящих перед человечеством больших материальных проблем. Но присущая капиталистическому накоплению логика этого не позволяет. Напротив, она постоянно усугубляет поляризацию богатства.

Современные люди, таким образом, стоят перед проблемами, порожденными реально существующим капитализмом и современностью. Господствующая идеология всего лишь используется для сокрытия этих проблем.

Несмотря на достаточно утонченный язык, высказывания американских идеологов либерализма отличаются наивностью и невежеством. Их самодовольные рассуждения признают только одну ценность – личную свободу.

Оборотной стороной этой позиции является непонимание того, что в контексте капитализма личная свобода позволяет сильнейшим навязывать свои законы, что эта свобода совершенно иллюзорна для подавляющего большинства (либеральная гипотеза предполагает, что каждый человек может стать Рокфеллером, что «в каждом солдатском ранце лежит фельдмаршальский жезл»), что ее первой жертвой становится как раз стремление к равенству, лежащее в основе демократии.

Эту основополагающую идеологию разделяют все защитники системы, для которых капитализм является недостижимым горизонтом, «концом истории». Те из них, кто придерживается наиболее экстремальных взглядов, не колеблясь, приветствуют представление об истории как о «джунглях индивидуумов». Ради принципов управления, которые низводят общественную власть к роли инструмента, находящегося в полном распоряжении «победителей», они готовы пожертвовать возможностью умиротворяющего вторжения государства. Другие хотят придать

этой диктатуре человеческое лицо и пытаются смягчить экстремизм эксклюзивного принципа индивидуальной свободы, разжижая его положениями, связывающими его с другими практическими соображениями социального равенства, а также «признанием различий», например, между разными сообществами. Призывая «принять» и «приспособиться» к современной реальности, «поладить» с ней, делая только то, что возможно в данный момент и самым обыденным способом, постмодернизм также уходит от проблемы.

Подавляющее большинство людей считает такую современность просто одиозным и лицемерным строем, основанным на применении двойных стандартов. Они яростно не приемлют ее, и их ярость совершенно законна. Реально существующий капитализм и эпоха, в которой он существует, не могут им ничего предложить.

С самого начала капитализм отягощен такими неразрешимыми противоречиями, что мы должны думать о том, как его преодолеть и двигаться дальше. Эта социальная необходимость находила свое выражение уже на раннем этапе и далее во все знаменательные моменты истории современности. Именно она стоит за тремя великими революциями – французской, русской и китайской.

Французская революция занимает в современной истории особое место. Радикальное крыло якобинцев очень рано осознало

противоречия буржуазной мысли и очень точно выразило их суть, а именно: экономический либерализм – враг демократии. Они стремились к победе концепции народной революции, которая бы пошла дальше сиюминутных «объективных требований» – то есть реализации чисто буржуазных задач. Из этого радикального течения вышло первое поколение коммунистических критиков зарождающегося капитализма (бабувисты). Русская и китайская революции также пошли дальше тех задач, которые непосредственно стояли перед их обществами, предложив коммунистические цели.

Не случайно, что за каждой из этих трех великих революций – в отличие от других – последовала реставрация. Но замечательные достижения этих великих моментов истории, тем не менее, остаются живыми символами будущего, потому что в центре всех трех проектов стояло стремление к равенству людей и преодоление их экономического отчуждения. В этом смысле французская революция имеет особую ценность.

В целом те исторические условия, которые сопутствовали развитию капитализма в Европе, содействовали созреванию классового сознания угнетенных классов. Это созревание началось очень рано, в первые десятилетия XIX столетия, и стимулом для него были радикальные достижения французской революции. К концу столетия оно сти-

мулировало создание крупных рабочих партий, вынудивших капитал на протяжении XX века «адаптироваться» к социальным требованиям, которые отнюдь не вытекали из самой логики накопления капитала. Таким образом, такая ценность, как «равенство», является необходимым дополнением к ценности «свобода», хотя в определенной степени ей и противоречит.

Экономическое отчуждение приводит к доминированию свободы над другими человеческими ценностями. Несомненно, речь идет о привилегии индивидуальной свободы, в частности, свободы капиталистического предпринимательства, высвобождающей его потенциал и усиливающей его экономическую власть. Напротив, равенство не вытекает напрямую из требований капитализма, если не брать во внимание самый непосредственный уровень – (частичное) равенство прав, которое, с одной стороны, делает возможным расширение свободного предпринимательства, а с другой – торгуя рабочей силой, которая сама становится товаром, обрекает свободного рабочего на наемный труд. На более высоком уровне ценность «равенство» приходит в противоречие с ценностью «свобода». Мы видим, что в Европе, в особенности во Франции, эти две ценности приравнивались друг к другу – это было не случайно провозглашено еще в лозунге Республики.

Однако истоки этого противоречия, этой двойственности, в свою очередь, достаточно сложны. На примере французской революции особенно наглядна острая борьба масс трудящихся в попытке сохранить автономность по отношению к притязаниям буржуазии. Это противоречие четко и открыто выражали монтаньяры, которые справедливо считали, что «экономический либерализм» (или свобода в американском понимании этого слова) является врагом демократии (по крайней мере как ее видят трудящиеся массы).

На основании этого наблюдения я бы рискнул разъяснить все еще заметную сегодня разницу между американским обществом и его культурой, с одной стороны, и европейским обществом и его культурой – с другой. Обслуживание интересов господствующего капитала в Соединенных Штатах и Европе, вероятно, не так различны, как это порой утверждают (вспомним хорошо известное противопоставление «англо-саксонского» и «рейнского» капитализмов). Совпадение интересов, конечно, объясняет солидарность Триады (США – Европа – Япония) – вопреки возникающим порою второстепенным коммерческим конфликтам. Но те решения и альтернативы общества, те социальные проекты, которые движут его духом, остаются весьма разными. В США свобода целиком охватывает весь спектр политических ценно-

стей. В Европе же ценность «свобода» всегда уравнивается ценностью «равенство», с которым она должна сочетаться.

Американское общество равенство презирает. Крайнее неравенство является не только приемлемым, но и считается символом того «успеха», который сулит свобода.

Но свобода без равенства – варварство. Разнообразные формы насилия, которые порождает эта однобокая идеология, отнюдь не случайны. Однако сосуществование свободы с равенством вовсе не способствует радикализации общества – как раз напротив. Господствовавшая до последнего времени в европейских обществах культура сбалансированно сочетала свободу с равенством, более того, это сочетание лежит в основе исторического компромисса социал-демократии. К сожалению, развитие современной Европы идет по пути сближения ее культуры и общества с американским образцом, характеристики которого возвышаются до статуса неоспоримых и непреложных моделей для подражания. Сложная история Европы пришла к двойной концепции, объединяющей экономический и политический аспекты в диалектическое единство, уважающее автономию обоих понятий. Американская же идеология не знакома с такими нюансами.

АМЕРИКАНСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ: БЕСКОМПРОМИССНЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ

Здесь не место рассматривать сложные отношения между религиями и их интерпретациями, с одной стороны, и процессами модернизации, демократии и секуляризации – с другой. Я обращался к этим темам в других своих работах. Поэтому просто резюмирую свои прежние основные выводы.

Модернизация, секуляризация и демократия не являются результатом эволюции (или революции) религиозной интерпретации, а напротив, последняя более-менее удачно приспособилась к их требованиям. Этот компромисс относится не только к протестантству. В католическом мире он выразился иначе, но был не менее эффективным. В обоих случаях он дал начало новому, свободному от догмы религиозному духу.

В этом смысле Реформация не стала условием развития капитализма, даже если тезис Вебера широко принят в тех обществах, которым он льстит (протестантская Европа). Реформация не стала и самой радикальной формой идеологического броска от европейского прошлого и его «феодалных» идеологий, среди которых числится и ранняя интерпретация христианства. Напротив, Реформация явилась самой непоследовательной и примитивной формой такого броска.

Это была «реформа, затеянная господствующими классами», результатом которой явилось создание контролируемых этими классами национальных церквей (англиканской, лютеранской). Реформа реализовала компромисс между находящейся на стадии становления буржуазией, с одной стороны, и монархией и крупными землевладельцами – с другой. Компромисс был необходим для устранения угрозы со стороны масс трудящихся и крестьянства, которые регулярно подвергались чрезмерным поборам. Этот реакционный компромисс – реализованный Лютером и затем проанализированный Марксом и Энгельсом – позволил буржуазии избежать того, что случилось во Франции, – радикальной революции. Кроме того, возникшая в результате внедрения этой модели секуляризация вплоть до наших дней оставалась ограниченной. Возврат к католической идее универсальности, воплощенной в национальных церквях, был нужен для одной цели – укрепить монархический трон, усилить роль национальной церкви как арбитра между силами старого режима и растущей буржуазией, утвердить национализм и задержать развитие новых форм универсализма, которые предложит впоследствии социалистический интернационализм.

Существовали и другие реформистские движения, охватившие массы трудящихся, которые стали жертвами сопутствовав-

ших возникновению капитализма общественных трансформаций. Эти движения воспроизводили формы борьбы средневековых милленариев и двигались не в фарватере, а в кильватере своего времени. Чтобы научиться эффективно выражать себя в новых условиях, угнетенным классам пришлось дожидаться французской революции с ее секуляризованными народными и радикально-демократическими призывами, а затем социализма. Что же касается протестантских сект, то они испытывали фундаменталистские иллюзии. Это они подготовили благоприятную почву для постоянно возникающих апокалипсических сект, как видно на примере США.

Политическая культура США – отнюдь не та культура, которая сформировалась во Франции в эпоху Просвещения и в ходе французской революции и которая в той или иной степени обусловила историческое развитие значительной части Европейского континента. Различия между этими двумя культурами гораздо значительнее, чем кажется на первый взгляд. Эти различия проявляются в моменты кризисов, порождая непримиримые противоречия (например, в вопросе о соблюдении международных законов, когда обсуждалась возможность вторжения в Ирак).

Политическая культура – это продукт длительного исторического развития, и она, естественно, уникальна для каждой страны.

В этом отношении история Соединенных Штатов отмечена специфическими особенностями, которые не совпадают с особенностями истории Европейского континента: основание Новой Англии экстремистскими протестантскими сектами, геноцид индейцев, рабство чернокожих, развитие «коммунитаризма», связанного с последовательными волнами иммиграции в XIX веке.

Те протестантские секты, которые были вынуждены покинуть Англию в XVII веке, разработали своеобразную интерпретацию христианства, отличающую их и от католиков, и от ортодоксальных христиан, и – по уровню экстремизма – даже от большинства протестантов Европы, в том числе англиканцев, составлявших основу правящего класса Англии. Реформация в целом восстановила Ветхий Завет, который католицизм и православие отодвинули в сторону, подчеркивая в своих интерпретациях отрыв христианства от иудаизма, а не его преемственность.

Мне придется вернуться здесь к тому, что я уже писал о реальных и мнимых особенностях христианства, ислама и иудаизма. Современное использование термина «иудео-христианский», ставшего популярным благодаря экспансии американского протестантизма, свидетельствует о полном пересмотре взглядов на отношения между двумя монотеистическими религиями. Католики (но не ортодоксальные христиане) подписа-

лись под такой точкой зрения, сделав это не в силу своих убеждений, а из соображений политического оппортунизма.

Реформация, как мы знаем, сопровождалась зарождением капитализма, между ними существует причинно-следственная связь, которая по-разному истолковывается в современной общественной мысли. Вебер выдвинул тезис, ставший преобладающим в англо-саксонском и протестантском мире: Реформация сделала возможным рост капитализма. Этот тезис противопоставлялся тезису Маркса, который рассматривал Реформацию как результат порожденных развитием капитализма трансформаций, из которых выросли различные формы протестантизма. Одни выражали протест масс трудящихся, ставших жертвами зарождавшегося капитализма, другие явились выражением стратегий господствующих классов.

Кроме того, те идеологические фрагменты и системы ценностей, которые нашли выражение в этом религиозном течении, сохраняли все признаки примитивных форм реакции на порожденные капитализмом проблемы. В некоторых аспектах Возрождение продвинулось гораздо дальше: Макиавелли – блестящее тому свидетельство. Возрождение возникло на католической территории (в Италии). В эти времена некоторые итальянские города управлялись, как настоящие коммерческие фирмы, во главе которых сто-

ял синдикат богатейших держателей акций, что представляло собой более четко выраженную связь с ранними формами капитализма, чем между протестантством и капитализмом: типичным представителем такой связи стала Венеция. В более позднюю эпоху Просвещения, охватившее как католические (Франция), так и протестантские (Англия, Нидерланды, Германия) страны, в большей мере опиралось на секулярную традицию Возрождения, нежели на традицию религиозных реформ. Наконец, радикальный характер французской революции упрочил этот секуляризм, сознательно отринув религиозные интерпретации ради утверждения современных политических методов преимущественно собственного изобретения.

Прижившаяся в Новой Англии своеобразная форма протестантизма оказала сильное влияние на американскую идеологию, это влияние сильно и поныне. Эта форма протестантизма стала идеологическим оружием, с помощью которого американское общество приступило к захвату континента, обосновывая его заимствованными из Библии мотивами (постоянно повторяющаяся в американском дискурсе тема – насильственное завоевание Израилем Земли обетованной). В дальнейшем Соединенные Штаты распространили свой метод осуществления задачи, которую им-де предписал Господь, на всю планету.

Вот почему американский империализм и должен превосходить в варварстве своих предшественников, которые отнюдь не претендовали на исполнение божественной миссии.

Граждане США видят себя в роли «избранного народа», что фактически синонимично Herrenvolk (расе господ), если вернуться к аналогичной терминологии нацистов.

Конечно же, империалистическая экспансия Соединенных Штатов зиждется не на американской идеологии, о которой здесь идет речь. Эта экспансия подчиняется логике накопления капитала, совершенно материалистичным интересам которого она служит. Но эта идеология идеально годится для того, чтобы скрыть истинные цели.

И по сей день американское общество пропитано этим сектантским протестантским фундаментализмом. Это общество, как отмечается всеми наблюдателями, очень религиозно, порой до наивности. Как следствие, оно было неспособно выработать твердую концепцию антиклерикализма, и вместо этого свело ее к понятию «терпимости по отношению ко всем религиям».

Я не принадлежу к тем, кто верит, что в силу определенных обстоятельств прошлое способно на «трансляцию атавизма». Исто-

рия меняет людей. Именно так случилось в Европе. К сожалению, историческое развитие Соединенных Штатов не пыталось изменить, а тем более – искоренить уродства прошлого, вместо этого поощряя их проявления в сегодняшнем дне и увековечивая их последствия, будь то интерпретация американской революции или рассуждения о заселении страны последовательными волнами иммигрантов.

Американская революция, столь высоко ценяемая многими прогрессивными личностями в 1789 году и превозносимая сегодня, была всего лишь политической революцией с ограниченными социальными последствиями. Взбунтовавшиеся против английской монархии американские колонисты не хотели менять своих экономических и социальных отношений, они просто не желали больше делиться доходами с правящим классом страны, из которой они прибыли. Они хотели взять власть в свои руки не для того, чтобы создать общество, отличное от колониального режима Англии, а чтобы продолжить в том же духе, только с большей решимостью и большими доходами. Прежде всего их целью было продолжение экспансии на запад, что подразумевало, среди прочего, геноцид индейцев. Никто не сомневался в целесообразности сохранения института рабства. Чуть ли не все основные лидеры американской революции были рабовладельцами и отнюдь не намеревались менять свое отношение к этому вопросу.

Геноцид индейцев являлся естественной составляющей той божественной миссии, которую возложил на себя новый избранный народ. И не стоит полагать, что это целиком осталось в прошлом.

До 60-х годов XX столетия ответственность за геноцид была символом национальной гордости (в голливудских фильмах, например, ковбой, как символ Добра, противопоставлялся индейцу, как символу Зла) и являлась важным элементом воспитания для многочисленных поколений.

То же имело место и в отношении рабства. Прошло почти столетие после объявления независимости, прежде чем оно было отменено, причем не из моральных соображений, подобных тем, которые провозгласила французская революция, а лишь потому, что оно больше не могло служить делу экспансии капитализма. А прежде чем чернокожие американцы получили минимальное признание некоторых своих гражданских прав, прошло еще целое столетие – при этом общий расистский настрой господствующей культуры сохранялся. До 60-х годов XX века все еще имели место линчевания. Порою эти линчевания сопровождались семейными пикниками: «стопроцентные» американцы воспринимали их как праздник и позднее демонстрировали фотографии события. Теперь такие

линчевания перестали быть стихийными, они практикуются в рамках «права», по которому на смерть отправляются тысячи осужденных, большая часть которых – чернокожие. Зачастую впоследствии выясняется, что осужденные на казнь на самом деле были невиновны, однако эти факты редко будоражат общественное мнение.

В утверждении американской идеологии сыграли определенную роль и последовательные волны иммиграции. Иммигранты, конечно же, не несут ответственности за те беды, которые вынудили их покинуть свои родные страны. Напротив, они – жертвы. Но обстоятельства – то есть эмиграция – заставили их отвергнуть коллективную борьбу за изменение общих для их классов или групп обстоятельств на родине и принять идеологию индивидуального успеха, царящую на родине новой. Приверженность этой идеологии поощряется американской системой ради собственной выгоды. Эта идеология тормозит рост классового сознания, которое по мере созревания наталкивается на новую волну иммиграции, регулярно прерывающую процесс политической кристаллизации. Но одновременно эта иммиграция способствует усилению коммунитарных тенденций в американском обществе, так как «индивидуальный успех» не исключает принадлежность иммигранта к общине (ирландской, итальянской и т. д.),

без которой изоляция индивидуума стала бы невыносимой. Здесь снова мы видим, как укрепление этого аспекта тождественности – возвращенного и поощряемого американской системой – происходит в ущерб классовому сознанию.

В то время как в Париже граждане готовились к началу «штурма небес» (коммуна 1871 года), в США банды гангстеров из разных поколений бедных иммигрантов (ирландцев, итальянцев и т. д.) истребляли друг друга, а господствующие классы с бесконечным цинизмом ими манипулировали.

Все различия между идеологией Соединенных Штатов и Англии или Канады, например, проистекают именно из этого. Идеология протестантской Европы – Англии, Германии, Нидерландов, Скандинавских стран – вначале обладала некоторыми элементами, роднившими ее с американской. Это выразалось в том же «возврате к Библии», хотя, конечно, в более мягких формах, нежели те крайние проявления, которые мы наблюдаем у эмигрировавших в Новую Англию сект. Однако в этих странах рабочий класс сумел подняться до уровня осознания своей классовой принадлежности, в то время как последовательные волны иммигрантов в США нейтрализовали такую возможность. Решающим стало возникновение политических партий рабочего класса. В Европе либеральная идеология была принудительно соединена с другими системами ценностей (в том

числе и с равенством), которые ей были не только чужды, но и зачастую с нею конфликтовали. Конечно, на протяжении истории в каждой стране и в каждый период времени эти сочетания выглядели по-разному. Однако все они сохраняли автономность политического аспекта по отношению к господствующему экономическому аспекту.

Канада, также молодая страна иммигрантов, не разделяет американской идеологии (или пока не разделяет?), потому что она не переживала наплыва последовательных волн иммигрантов, удушавших классовое сознание. А может быть, еще и потому, что противники независимости от Англии, которые не желали порывать со страной своего происхождения, не соперничали фанатизму сектантов Новой Англии и их библейским толкованиям.

В Соединенных Штатах нет и никогда не было рабочей партии. Профсоюзы, какими бы влиятельными они ни были, аполитичны во всех смыслах этого понятия. Они не связаны ни с какой политической партией, и потому не могут восполнить этот пробел, сформулировав свою собственную социалистическую идеологию. Они продолжают бороться в замкнутом и ограниченном пространстве требований, которые никак не противостоят либерализму. В каком-то смысле они «постмодернистские» и всегда были таковыми.

Коммунитарные идеологии не могут заменить социалистическую идеологию ра-

бочего класса, это относится даже к самым радикальным из них, например к идеологиям, выработанным в сообществе чернокожих. Коммунитаризм по определению вписывается в общий контекст расизма, с которым он борется внутри самого этого контекста, но не выходит за его пределы.

Характерное для исторического формирования американского общества сочетание – господствующая библейская идеология и отсутствие рабочей партии – в конечном итоге породило беспрецедентную ситуацию фактического наличия одной партии – партии капитала.

Оба сегмента этой единственной партии разделяют **один и тот же фундаментальный либерализм**. Оба они обращаются только к меньшинству – 40 процентам избирателей, – принимающему участие в данной ему ограниченной и неэффективной демократической жизни. Каждый из них имеет свою клиентуру в средних классах, так как массы трудящихся гораздо реже голосуют, и они адаптируют свой язык для этой клиентуры. Каждый из них кристаллизует в себе конгломерат отдельных капиталистических интересов («лобби») или «коммунитарных» сторонников.

Американская демократия представляет собой продвинутую модель того, что я назы-

ваю демократией низкой интенсивности. Она основана на полном размежевании между управлением политической жизнью – основанной на практике многопартийной выборной демократии – и управлением экономической жизнью, которой руководят законы накопления капитала. Более того, это размежевание не может быть подвергнуто никакой радикальной критике, а наоборот, является частью так называемого согласованного мнения. Это размежевание уничтожает весь революционный потенциал демократической политики. Оно нейтрализует представительные институты (парламент и прочие), делая их бессильными перед диктатом рынка. Голосуйте за республиканцев, голосуйте за демократов – это не имеет никакого значения, если ваше будущее зависит не от вашего демократического выбора, а от неопределенностей рынка.

Ясно, что Европа не защищена от такого рода обедняющей тенденции. Вместе с переходом социалистических партий на позиции либерализма и кризисом в мире труда Европа уже достаточно глубоко вовлечена в эту тенденцию. Но она должна быть способной выйти из этого положения.

Американское государство находится исключительно на службе у экономики, иначе говоря, оно – верный слуга капитала и не озабочено никакими другими социальными интересами.

Это потому, что историческое формирование американского общества приостановило созревание политического классового сознания среди трудящихся масс.

В противовес этому европейское государство было (и может снова стать) необходимой посреднической структурой, содействовавшей выработке исторических компромиссов между противоборствующими общественными интересами, которые придавали смысл и подлинный размах демократическим практикам. Если путем классовой и политической борьбы, которые не зависят исключительно от логики накопления капитала, не принуждать государство к выполнению этой функции, то демократия превращается в посмешище, как это случилось в Соединенных Штатах.

Именно в этом контексте необходимо рассматривать в действии эту любопытную демократию, предположительно самую старую и наиболее развитую.

Соединенные Штаты изобрели президентскую систему. Возможно, в то время идея монарха, пусть и избираемого, казалась необходимой. Однако французская революция между 1793 и 1798 годами прекрасно обходилась без него. Президентская система всегда была трагедией для укоренения демократии, и сегодня это еще более верно, чем в прошлом.

Президентская система имеет тенденцию вытеснять политические дебаты, ослаб-

лять их, подменяя выбор между идеями или программами выбором между личностями, даже если они предположительно воплощают в себе эти идеи или программы. Более того, неизбежное фатальное сокращение выбора до двух кандидатов ведет к поиску каждым из них наибольшего консенсуса (к сражению за не определившийся со своим выбором наименее политизированный центр) в ущерб радикализации. Это дает преимущество консерватизму.

Президентская система, консервативная по самой своей сути, без труда экспортировалась США во все страны Латинской Америки главным образом потому, что политические революции, происходившие там в начале XIX века, были ограниченными и носили тот же характер, что и в Соединенных Штатах. Президентская система им идеально подходила. В дальнейшем по аналогичным причинам – ввиду ограниченного характера национально-освободительных движений недавнего прошлого – она завоевала Африку и значительную часть Азии.

Европа также находится в процессе завоевания президентской системой, однако здесь среди демократов она сопровождается неприятными воспоминаниями, ассоциируясь с демагогическим популизмом бонапартизма. Увы, начало этому движению дала Франция, создав Пятую республику, которая была не шагом вперед в развитии демокра-

тии, а убежищем, в котором французское общество, кажется, прочно обосновалось. Аргументировалось это нестабильностью правительства при парламентарном строе, но подобные аргументы – чистый оппортунизм.

Президентская система также способствует кристаллизации групп, объединенных общими интересами – в идеале это две группы, поддерживающие главных претендентов на пост президента, – в ущерб формированию настоящих политических партий (включая социалистические партии), потенциальных носителей истинно альтернативных социальных проектов.

Здесь опять же показателен пример Соединенных Штатов. Реальной разницы между Демократической и Республиканской партиями не существует. Джулиус Ньерере не без иронии заметил, что это вопрос о «двух единственных партиях» – хорошее определение демократии низкой интенсивности. В конце концов, так понимают ситуацию массы трудящихся в Соединенных Штатах, которые зачастую не голосуют потому, что чувствуют – и справедливо, – что это не имеет смысла.

Отнюдь не являясь инструментом потенциальной социальной радикализации, существующие формы американской демократии, как в прошлом, так и в настоящем, представляют собой идеальную среду для консерватизма. В этих условиях другие из-

мерения американской демократии, которые часто получают позитивную оценку, превращаются в свои противоположности. «Децентрализация», например, ассоциируемая с большими полномочиями, которые даны местным избираемым властям, дает преимущество местной знати и духу «коммунитарности». Во Франции региональные власти также всегда или почти всегда оказываются на правом фланге центральной власти, и это не случайно.

Отсутствие постоянных бюрократий в Соединенных Штатах, которое либералы считают преимуществом по отношению к твердыне бюрократического наследия – Европе, становится орудием в руках консервативных политических властей, поручающих внедрение своих программ безответственным временным чиновникам, которых набирают в основном из числа бизнесменов, и оказывается, что самими этими управленцами надо еще управлять. Действительно ли это преимущество? Что бы ни говорили о *L'Enarchie* во Франции¹ – а многое в этой критике справедливо, – разве идея комплектуе-

¹ *L'Enarchie* – термин, использовавшийся для коллективного определения студентов и выпускников престижной *Ecole nationale d'administration* (ENA), в которой получило образование большинство должностных лиц Франции. В глазах своих критиков она ассоциируется с определенным политическим и культурным стилем. (Прим. пер.)

мой истинно демократичным способом бюрократии не лучше (или уж точно не хуже), пока мы еще не достигли далекого идеала общества без бюрократии?

Бездумная критика «бюрократии», являющаяся частью современного общепринятого взгляда, непосредственно вдохновляет систематические кампании даже против идеи общественных служб, которые, по мнению этих критиков, должны быть заменены частными службами на рыночных условиях. Объективный взгляд на реальный мир показывает, что (предположительно «бюрократизированные») общественные службы не так малоэффективны, как зачастую думают, что прекрасно иллюстрируется сравнением Соединенных Штатов и Европы в сфере здравоохранения. В Соединенных Штатах здравоохранение (в основном приватизированное) обходится государству в 14% ВВП, в отличие от 7% в Европе (где здравоохранение в основном обеспечивается государственными службами). В плане результатов (качество здоровья) это сравнение говорит в пользу Европы. Конечно же, доходы фармацевтических и страховых олигополий в основном значительно выше в Соединенных Штатах, чем в Европе. Кроме того, при демократии государственные службы хотя бы потенциально прозрачны. Приватизированная служба, защищенная положением о «конфиденциальности деловой информа-

ции», непрозрачна по определению. Замена приватизированными службами («социализация рынком») государственных служб (социализация демократией) используется как средство укрепления достигнутого соглашения о жестком разграничении политической и экономической сфер. Такой консенсус разрушителен для всего потенциала укоренения демократии.

«Независимое» правосудие и принцип избираемости судей продемонстрировали, что и этот институт может по-своему помогать поддерживать неизменно консервативные и даже реакционные предрассудки, не способствовать укоренению демократии, а на самом деле мешать ему. Однако и эта модель постепенно начинает практиковаться в других странах (во Франции, например), результаты чего не замедлили себя продемонстрировать, но я пока воздержусь от комментариев.

Помимо всего прочего послужной список американского правосудия свидетельствует о **смехотворности той демократии**, которую оно обслуживает.

Это до крайности обременительное правосудие, правосудие по заказу, всегда истолковывающее английское общее право, от которого оно происходит, в пользу исключительных принципов либерализма (а стало быть, богатых).

Это правосудие чрезвычайной жестокости и систематического расизма (значительная часть осужденных чернокожих впоследствии оказываются невиновными). Соединенные Штаты имеют самый высокий процент заключенных в мире.

Дело Дрейфуса привело в движение – и раскололо – все французское общество и всю французскую политику. В Соединенных Штатах казни Сакко и Ванцетти, супругов Розенберг и многих других менее известных личностей никогда до такой степени не возбуждали общественное мнение. О повторных слушаниях и речи быть не может, и ни у кого нет права усомниться в справедливости судей: даже мысль об этом недопустима. Помимо этого судьи, будучи «независимыми от государства», зависимы от манипуляций избирателей, при этом они даже не обязаны применять формальное письменное законодательство, как это происходит на Европейском континенте и – пусть номинально – в большинстве стран мира. Здесь судья «творит закон» – принцип, который существовал в правовых системах примитивных обществ и ныне повсюду преодоленный. В таких условиях решения суда почти всегда известны заранее. Хорошо известно, что Высший суд ратифицировал фальсификацию результатов голосования, позволившую Бушу-младшему стать президентом, потому что большинство судей принадлежало к Республиканской партии. Вот они и « рассу-

дили» с чистой совестью(!), не считаясь с руководством, которое обязывало их в этой ситуации аннулировать голосование. И все это происходило на глазах у всех! Такие же практики «правосудия», если они творятся не претендующими на демократию режимами, считаются кумовством.

*Чему можно завидовать
в этой системе?*

Сочетание господствующей религиозности, эксплуатируемой фундаменталистским дискурсом, и отсутствия политического сознания среди подавляемых классов дает системе власти в Соединенных Штатах невиданное пространство для маневра. Таким образом ликвидируется потенциальная значимость демократических процедур, они сводятся к статусу безвредных ритуалов (политическому спектаклю, вроде торжественного открытия избирательных кампаний – с марширующими тамбурмажорами и т. п.).

Но здесь важно не впасть в заблуждение. Это отнюдь не религиозная фундаменталистская идеология правит бал и навязывает свою логику истинным обладателям власти – капиталу и его прислужникам в государственной системе. Решения принимает сам капитал, а затем оправдывает их этой самой американской идеологией. Тогда становятся эф-

фективными используемые ими методы – не знающая аналогов систематическая дезинформация, изоляция критически настроенных мыслителей, которые злобно очерняются. И тогда власти удастся без труда управлять «общественным мнением», которое консолидируется собственной глупостью.

Эти обстоятельства позволили правящему классу США властвовать с абсолютным цинизмом, лишь слегка прикрытым некоторой толикой лицемерия, что прекрасно видно любому зарубежному наблюдателю, но что всегда ускользает от взгляда самих американцев! И каждый раз, когда требуется, власть не стесняется прибегать к насилию в его крайних формах. Об этом знают все радикальные американские активисты: продайся – или тебя уничтожат, вот единственный оставленный им выбор.

Американская идеология, подобно всем идеологиям, тоже «изнашивается временем». В «тихие» периоды истории – отмеченные мощным экономическим ростом, которому сопутствуют благоприятные социальные последствия, – давление, оказываемое правящим классом на народ, ослабевает. Время от времени, если того требуют обстоятельства, правящий класс «вселяет энергию» в американскую идеологию, и всегда одним и тем же способом – назначается враг (империя зла, ось зла – враг всегда внешний, так как американское общество добротное по оп-

ределению), что позволяет «мобилизовать» все имеющиеся ресурсы для его уничтожения. Вчера таким врагом был коммунизм, который вместе с маккартизмом (о котором «сторонники Америки» благополучно забыли) позволил развернуть холодную войну, а также подчинил себе Европу. Сегодня это «терроризм» – очевидный повод (в этом смысле 11 сентября очень сильно напоминает поджог Рейхстага), позволяющий отвлечь внимание от подлинной цели правящего класса – осуществления военного контроля над планетой.

Очевидной целью новой гегемонистской стратегии США является подавление любой силы, способной дать отпор предписаниям Вашингтона. Ради этого они стремятся раздробить те страны, которые они считают «слишком крупными», чтобы получить максимальное число недееспособных государств, готовых к строительству на своей территории американских баз для своей «защиты». Только одно государство имеет право быть «великим» – Соединенные Штаты, таково мнение последних трех президентов (Буша-старшего, Клинтона и Буша-младшего).

Цели и средства вашингтонского проекта понять нетрудно. Они нарочито демонстративны, а их откровенность является их главным достоинством, несмотря на то, что обоснование этих целей всегда облекается в характерное для американской традиции мо-

рализаторство. Глобальная стратегия Америки преследует пять целей:

- 1) Нейтрализовать и подчинить себе других партнеров по Триаде (Европа – США – Япония), ограничив их способность действовать независимо от Америки.
- 2) Установить военный контроль над бывшими республиками Советского Союза посредством НАТО, обустроив их по латиноамериканскому образцу.
- 3) Установить безраздельный контроль над Ближним Востоком и Центральной Азией с их нефтяными запасами.
- 4) Развалить Китай и обеспечить подчиненность больших государств (Индия, Бразилия), а также не допустить формирования региональных блоков, способных вести переговоры об условиях глобализации.
- 5) Вытеснить на обочину те регионы Юга, которые не представляют стратегического интереса для Соединенных Штатов.

Так что гегемония Соединенных Штатов основывается в гораздо большей мере на их избыточной военной силе, нежели на «преимуществах» их экономической систе-

мы. Я ограничусь кратким изложением основных аргументов, которым я уделял внимание в других работах, подчеркнув реальное политическое преимущество, которым обладают США перед Европой, – а именно, единое государство. Поэтому они могут играть роль неоспоримого лидера Триады, демонстрируя свою собственную военную мощь, а также НАТО, который они контролируют, в качестве «наглядного кулака», с помощью которого они навязывают непокорным новый империалистический порядок.

С 1945 года США систематически наращивали свою военную мощь, и ныне они покрывают всю планету сетью военных объектов, связанных единым руководством. До 1990 года эта гегемония, сдерживаемая военной мощью СССР, вынуждена была признавать принципы мирного сосуществования. С тех пор ситуация изменилась. Нельзя не заметить различий между планетарным размахом военной стратегии США, к осуществлению которой они приступили с 1945 года, и оборонительной стратегией СССР, который никогда не выдвигал агрессивной программы, нацеленной на «захват мира во имя коммунизма», как об этом – увы, весьма успешно, – твердит западная пропаганда.

Следовательно, этот этап характеризуется отступлением от демократии, а не продвижением к ней. В глобальном плане, начиная с 1980-х годов и развала советской систе-

мы, в США был сделан выбор в пользу гегемонии, и этот выбор поддержал весь правящий класс Соединенных Штатов. Опьяненные своим военным превосходством, США встали на путь немедленного утверждения своего господства над планетой посредством сугубо милитаристской стратегии. Сопутствующая ей политическая стратегия лишь отыскивает благовидные предлоги, будь то терроризм, борьба с торговлей наркотиками или обвинения в производстве оружия массового уничтожения.

«Превентивная война», «право» инициировать которую Вашингтон оставляет за собой, непосредственно ликвидирует международный закон. Устав Организации Объединенных Наций запрещает прибегать к военным действиям, за исключением тех случаев, когда это оправдывается законными требованиями самообороны, накладывает строгие ограничения на возможное военное вмешательство сил ООН, а сам характер таковых действий должен быть крайне осторожным и носить временный характер. Каждый юрист знает, что все предпринятые с 1990 года войны абсолютно нелегитимны, а это значит, что те, кто несет за них ответственность, являются военными преступниками. США вместе со своими союзниками уже обходятся с Объединенными Нациями так же, как не так давно фашистские государства обходились с Лигой Наций.

В процессе реализации уже находится и программа отмены гражданских прав. Принцип равенства между людьми был заменен разделением людей на «расу господ», или *Herrenvolk* – США и Израиль, – и все другие народы. Эта «раса господ» обладает правом захватывать необходимое ей «жизненное пространство», в то время как само существование других народов допускается, только если это не представляет угрозы для амбиций тех, кто призван быть «хозяевами планеты».

С точки зрения американского истеблишмента, мы все стали «краснокожими», то есть людьми, которые имеют право на существование только в том случае, если они не мешают экспансии транснационального капитала Соединенных Штатов.

Каковы же те «национальные» интересы, к защите которых правящий класс США может прибегать по своему усмотрению? Если честно, то этот класс преследует только одну цель – «делать деньги». Американское государство придает первостепенное значение удовлетворению требований транснациональных корпораций, составляющих господствующий сегмент капитала.

Этот проект, безусловно, является империалистическим в самом безжалостном смысле, но не «имперским» в том смысле,

который придает этому определению Негри, потому что его задача не в том, чтобы управлять всеми обществами на земле с целью их интегрирования в согласованную капиталистическую систему, а всего лишь в разграблении их ресурсов. Низведение общественной мысли до базовых аксиом вульгарной экономики, недальновидное отношение господствующего капитала к скорейшему увеличению финансовой рентабельности, подкрепляемое хорошо известной склонностью к применению военной силы ради достижения этой цели, – все это привело к нынешнему варварскому повороту событий, поскольку такова присущая капитализму тенденция. Капитализм отбросил все системы человеческих ценностей, заменив их требованиями подчиниться так называемым законам рынка.

Этот проект совершенно не связан с распространением демократии (пусть даже в ее американской разновидности) на весь остальной мир, как об этом лицемерно заявляют пропагандистские СМИ. Дело не в демократизации Ирака или какой-либо другой страны (в конце концов, Израиль к этому и не стремится), а в примитивном разграблении их богатств (в данном случае иракской нефти). США уже давно оккупировали Кувейт, но разве там появилось хоть какое-то подобие демократии? Единственной законодательной инициативой Америки в Кувейте

стало еще большее ограничение свободы слова, попросту запрещающее любую критику Соединенных Штатов!

В арабском мире Вашингтон не способствует никаким демократическим сдвигам. Наоборот, он стремится заменить существующие режимы «исламскими» диктатурами, не менее жестокими, но дружественными и покорными.

Именно поэтому Вашингтон примирился с саудовским проектом. В свою очередь эти исламские режимы ради того, чтобы заработать себе популярность, могут начать поддерживать терроризм, однако теперь теракты будут направлены против других стран (например, Франции, Германии, России и Китая).

Всем известно, что такая стратегия устраивает Израиль, который не скрывает своего неприятия пользующихся народной поддержкой подлинных арабских демократий, так как демократические арабские страны изменят баланс сил в пользу палестинского дела. Что же касается данных Бушем-младшим обещаний «разрешить палестинскую проблему после победы в Ираке», то они очень напоминают ложь Буша-старшего, который, чтобы его воспринимали всерьез, давал аналогичные обещания в 1991 году.

Что касается внутренних дел, то и здесь отступление от демократических норм не менее очевидно. ФБР-ЦРУ-Гестапо отныне позволено нарушать самые элементарные права человека в своих тюрьмах и лагерях пыток в Гуантанамо, Бармаке, а завтра и в других местах.

В такие моменты американское общество прибегает к своим традиционным апокалипсическим взглядам. Снова появляется огромное количество сект с хорошо известными убеждениями и практиками – нечто вроде мобилизации по фашистскому образцу. Фундаменталисты, оболваненные религией, и фундаменталисты, оболваненные рынком, прекрасно друг друга дополняют.

Но ни этот проект правящего класса США, ни американская идеология, которая сей проект обслуживает, не являются чем-то «несокрушимым». Если получится так, что этот проект – в котором полностью отсутствует стратегическое видение – будет претворяться в жизнь на протяжении определенного периода времени, он приведет только к еще большему хаосу, который с каждым разом будет требовать все более жестоких методов контроля. И если Вашингтону понадобится, он перестанет поддерживать своих союзников, поскольку союзнические отношения всегда подразумевают способность идти на компромиссы. Марионеточные правительства, вроде правительства Карзая в Аф-

ганистане, функционируют, пока восторг перед военной мощью позволяет верить в «непобедимость» Соединенных Штатов. Но и Гитлер так рассуждал.

Строго говоря, одним из самых слабых мест в американском мышлении, сформированном историей и идеологией США, является отсутствие долгосрочного расчета. Этот образ мышления реализуется в чем-то сиюминутном, при этом по поводу данной сиюминутной задачи собирается огромное количество информации. Считается, что сделать непосредственный выбор можно исключительно путем анализа «настоящего», «прошлое» отвергается как нечто бесполезное (выражение «это история» – американский синоним выражения «не важно»). Будущее при таком мышлении всегда воспринимается как простая проекция настоящего. Это объясняет популярность таких идиотских текстов, как книга Хантингтона «Столкновение цивилизаций». Подобным же образом живший во времена религиозных войн XVI века автор мог бы прийти к выводу, что Европа обречена на саморазрушение или же, по крайней мере, что одной из двух сторон (протестантам или католикам) удастся покорить весь континент.

Идея того, что история полна переломами, образовавшимися в результате обострения движущих ею противоречий, чужда американской мысли. Ей также чужда и идея

того, что после этих переломов историческое развитие идет в том направлении, которое не заложено ни в одной из проекций прошлого в настоящее.

Поэтому американский империализм станет несравнимо более варварским, чем прежние формы европейского империализма. Помимо интересов капитала, за которые отвечали их вовлеченные в империалистические авантюры государства, британцы и французы обладали интеллектуальными средствами, позволявшими им «размышлять об Империи в долгосрочной перспективе». Сравнение того, что они создали на Африканском континенте – при всей его неприемлемости, – и полного провала Вашингтона в деле управления своей мини-колонией (Либерия) свидетельствует о скудости американской политической мысли. Единственным принципом и целью, которыми руководствуется Вашингтон в своей новой имперской политике, является быстрый грабеж. При сравнении пятнадцати миллионов долларов скорой дополнительной прибыли (от разграбления нефтяных ресурсов некоторых стран, например) с тремя сотнями миллионов жертв со всеми вытекающими из этого последствиями для будущего выбор будет сделан в пользу скорого обогащения.

Американская идеология и мысль не годятся для экспорта. Несмотря на успех

«американизации», в европейской мысли начала проявляться спасительная реакция на нее, усиливаемая абсурдным и лишенным четкого направления насилием американского проекта («перманентная война»).

Милитаристский выбор Соединенных Штатов угрожает всем. Он вытекает из той же логики, какая была и у Гитлера – путем военного насилия изменить существующие экономические и общественные отношения в пользу сегодняшних избранных людей (Herrenvolk). Этот выбор, насильно захватив центральную позицию, переопределяет всю политическую конъюнктуру, так как следование ему ставит под угрозу все, что люди могут достичь путем социальной и демократической борьбы. Добиться поражения милитаристского проекта Соединенных Штатов стало первостепенной задачей и главной ответственностью каждого.

Главная страна-изгой, как писал Уильям Блум, – это сами Соединенные Штаты. Они открыто отказались от обязательства уважать законность и права других, провозгласив свою приверженность единственному принципу – «кто сильнее, тот и прав». То, что режим, подчиняющийся механизмам демократии, вновь ради собственной выгоды берет на вооружение принцип, который с гордостью провозгласили нацисты, не является смягчающим обстоятельством, а напротив, делает это преступление еще более чудовищным.

Безусловно, борьба против проекта Соединенных Штатов может принимать разные формы. Она включает дипломатические аспекты (защита международной законности), военные аспекты (требуется вооружение всех стран мира с целью противостояния любой агрессии со стороны Соединенных Штатов; нельзя забывать, что США использовали атомное оружие, когда у них была на него монополия, и отвергли его использование тогда, когда этой монополии не стало), политические аспекты (в частности, это касается укрепления европейского присутствия и воссоздания движения неприсоединения).

Успех этой борьбы будет зависеть от способности людей освободиться от либеральных иллюзий.

«По-настоящему либеральной» глобальной экономики не будет никогда. Тем не менее людям навязывается и всячески будет навязываться соблазн поверить в это.

У Всемирного банка одна задача – быть своего рода министерством пропаганды Вашингтона, которое маскирует реальное положение вещей рассуждениями о «демократии», «добросовестном управлении» и «сокращении бедности». Для примера вспомним поднятый в СМИ шум вокруг Джозефа Штиглица, открывшего несколько элемен-

тарных истин, которые он проповедовал с огромной самонадеянностью, при этом не подвергая сомнению цепкие предрассудки вульгарной экономики.

Воссоздание движения стран Юга, способного сплотить народы Азии и Африки и дать возможность всем трем южным континентам действовать на глобальном уровне, станет возможным, только если будут отринуты иллюзии «неасимметричной» глобальной либеральной системы, которая якобы позволяет народам третьего мира преодолеть «задержки» своего развития. Разве не смешно, что страны Юга твердят о «внедрении принципов либерализма, но без дискриминации», добиваясь тем самым полного одобрения Всемирного банка? С каких это пор Всемирный банк защищал третий мир от Соединенных Штатов?

Нет сомнения в том, что многие правительства стран третьего мира поистине одиозны. Но необходимой демократизации невозможно достичь путем замены их на насаждаемые агрессором марионеточные режимы, которые отдают ресурсы своих стран на разграбление транснациональным корпорациям.

Битва с империализмом и милитаристическими поползновениями Соединенных Штатов – всеобщее дело. Их главные жертвы – народы Азии, Африки и Латинской Америки; но и японцы, народы Европы и даже североамериканские народы обречены нахо-

даться в подчиненном положении. Мы приветствуем отвагу всех тех, кто, находясь «во чреве зверя», отказывается покориться, следуя примеру своих предшественников, не сломленных в 1950-х годах маккартизмом. Только с поражением этого проекта правящего класса перед американским народом откроется путь к освобождению от его идеологии.

Сможет ли господствующий в США класс отказаться от запущенного им преступного проекта? На этот вопрос непросто ответить. Возможно, политическое, дипломатическое и даже военное поражение способно подтолкнуть меньшинство в сердце американского истеблишмента пойти на отказ от военных авантюр, в которые вовлечена их страна.

На протяжении 1990-х европейские правительства потворствовали своими политическими ходами политическому уклону США. Крах СССР отнюдь не стал поводом для большинства европейских левых (а социалисты занимали высокие государственные должности почти во всех странах Евросоюза) заново сформулировать подходящую европейскую модель, наоборот, опьянение либерализмом увело их в сторону, и они оказались в фарватере гегемонистского проекта Вашингтона. Эти правительства несут перед историей тяжелую ответственность за свое поведение. Они ратифицировали предложения Вашингтона, превратив НАТО в инструмент агрессивных намерений. Присоединив-

шись к актам нарушения международного права, они преподнесли Вашингтону на серебряном блюде Боснию, Косово, Македонию, а вслед за ними и все государства Восточной Европы. Так на протяжении целого десятилетия они поддерживали осуществление американского плана военного господства над планетой, начиная с Балкан, Ближнего Востока и Центральной Азии.

Вдохновленные этим успехом, крайне правые в Америке смогли захватить бразды правления в Вашингтоне. Отныне и далее выбор ясен – принять гегемонию США и укрепивший вирус либерализма, упрощенный до одного-единственного принципа «делать деньги», или отвергнуть и то и другое. Первая альтернатива дарует Вашингтону полное право переделать мир по образу Техаса. Вторая альтернатива – единственный способ сделать вклад в перестройку мира на принципах плюрализма, демократии и мирного сосуществования.

Сегодня Соединенными Штатами правит хунта военных преступников, которые фактически пришли к власти через нечто похожее на переворот, последовавший после сомнительных выборов (Гитлер хотя бы действительно был избран). После поджога своего Рейхстага (11 сентября) эта хунта предоставила полиции полномочия, схожие с теми, которые были у Гестапо. У этой хунты есть свой «Майн кампф» – ее массовые

организации и проповедники. Необходимо набраться смелости высказать всю правду, а затем перестать прятаться за бессодержательной и нелепой фразой «наши американские друзья...»

Если бы европейцы в 1935 или 1937 году дали отпор гитлеризму, то им удалось бы остановить это безумие. Протянув до сентября 1939-го, они позволили этому безумию обрушиться на десятки миллионов невинных жертв. Надо действовать незамедлительно и дать отпор вашингтонским неонацистам.

СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ ЛИБЕРАЛИЗМА

Сегодня либерализм бросает серьезный вызов всему человечеству, угрожая ему уничтожением. Превратившись в глобальную идеологию, либерализм помогает американскому империализму еще крепче сжимать планету в своих тисках. Европа уже ему покорилась, а весь остальной мир испытывает на себе исторически беспрецедентные методы разграбления, которые, если в том возникает необходимость, доходят до геноцида. В следующих трех разделах мы обсудим эти вызовы.

ВЫЗОВ ПЕРВЫЙ:

*ПЕРЕОПРЕДЕЛИТЬ ЕВРОПЕЙСКИЙ
ПРОЕКТ (ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ
ДЛЯ НЕКОТОРЫХ ЕВРОПЕЙЦЕВ)*

До сих пор все без исключения европейские правительства поддерживали тезисы либерализма. Переход на позиции либерализма оз-

начал не что иное, как исчезновение европейского проекта в результате его ослабления в двух сферах: экономической (преимущества Европейского экономического сообщества растворяются в экономической глобализации) и политической (политической и военной автономии Европы приходит конец). В настоящее время европейского проекта более не существует. Его заменил Северо-Атлантический проект (или, возможно, проект Триады) под американским командованием. Когда в свое время специальный уполномоченный ЕС Леон Бриттен высказал этот новейший проект, он вызвал широкие протесты (по крайней мере во Франции), сегодня же он оказался единственным реализуемым проектом.

За исчезновением европейского проекта и возвращением к атлантизму ясно просматривается гегемония Соединенных Штатов.

Упадок европейского проекта должен вызывать беспокойство, по крайней мере у некоторых секторов общественного мнения и некоторых сегментов политических классов отдельных европейских стран, в частности Франции. Основные идеи, связанные с формированием европейского проекта, возникли из стремления к богатству, власти и независимости, и тем, кто по-прежнему в

этом заинтересован, будет трудно «проглотить пилюлю», то есть согласиться с тем, что военная «протекция» США сегодня еще более необходима, чем вчера! Войны с меткой «сделано в США», конечно же, пробудили общественное мнение – выступления против последней из них, в Ираке, идут по всей Европе – и даже некоторые правительства, в первую очередь Франции, но также Германии, России и, кроме того, Китая. Но эти государства остаются верными своей приверженности требованиям либерализма. Это основное противоречие придется так или иначе преодолевать – либо подчиняясь требованиям Вашингтона (которые другой набор лидеров, чем те, кто окружают Буша-младшего, может «облегчить», приняв менее самоуверенную позицию), либо по-настоящему порвав с ним и положив таким образом конец атлантизму.

Возможно ли это в общеевропейских масштабах? Или же приведет к переосмыслению проекта в терминах, которые позволят составляющим континент национальным государствам сохранить их политическую автономию («Европа Наций», если вернуться к терминологии генерала Де Голля)?

Многовекторная дипломатия, в которую будут вовлечены Париж, Берлин, Москва (а позднее – Пекин), могла бы содействовать такой возможности, расширив границы экономической автономии всей Европы в це-

лом. Пока эти альтернативы не будут обозначены более явно, европейские народы останутся заложниками зыбучих песков европейского проекта.

Основной политический вывод, который я делаю из вышеприведенного краткого анализа, состоит в том, что пока политические альянсы будут складываться вокруг господствующего транснационального капитала, у Европы не будет возможности дифференцированного выбора. Европа сможет отдалиться от Вашингтона, если общественная и политическая борьба сможет изменить эти альянсы, навязав новый основополагающий компромисс труда и капитала. Это, в свою очередь, позволило бы обновить европейский проект. В этих условиях Европа в международной плоскости могла бы – и должна была бы – отмежеваться от особых требований коллективного империализма в своих отношениях с Востоком и Югом. Такой ход положил бы начало участию Европы в длительном марше «по ту сторону капитализма». Другими словами – Европа либо станет левой (термин «левый» следует воспринимать здесь всерьез), либо не станет ее самой.

Согласование преданности либерализму с утверждением политической автономии для Европы или для тех государств, из которых состоит Европа, продолжает оставаться целью для тех фракций европейских полити-

ческих классов, которые желают сохранить обособленное положение крупного капитала. Удастся ли им такое согласование? Я очень в этом сомневаюсь.

Но смогут ли народные массы где-либо в Европе преодолеть поразивший их серьезный кризис, характер которого мы попытались описать выше? Я считаю, что это весьма вероятно, именно по тем причинам, которые также уже упоминались и которые могли бы привести – по крайней мере в политической культуре европейских стран, отличающейся от политической культуры США, – к возрождению левого движения. Само собой разумеется, что необходимым условием этого является освобождение от вируса либерализма.

Я использую здесь термины «Европа» и «европейский проект» потому, что они уже применялись на политической сцене. Однако эти термины вызывают вопросы, которые невозможно обойти. Что составляет «европейский проект» и чьим интересам он служит? Возможно ли осуществление этого проекта? Если нет, то какие альтернативы можно сформулировать и предложить?

Задуманный в конце Второй мировой войны, «европейский проект» родился как европейская часть атлантистского проекта Соединенных Штатов, инициированного Вашингтоном в рамках холодной войны. Европейские буржуазии – на тот момент слабые и боящиеся собственных классов трудящихся –

примкнули к этому проекту практически безоговорочно. Это по большей части верно и сегодня – достаточно взглянуть на политику, внедряемую правящими классами и правыми политическими силами и большинством левых сил в отдельных европейских странах, прежде всего в Великобритании, где такая политика проводится явно и даже демонстративно. Другие государства все-таки подвержены определенным колебаниям, а в странах Восточной Европы процессом управляют политические классы, сформированные в условиях культуры, которой свойственно подобострастие.

Однако внедрение этого проекта – даже если сам проект имеет сомнительное происхождение – постепенно изменило его составляющие и задачи. Западной Европе удалось преодолеть экономическую и технологическую отсталость по отношению к США, или по крайней мере она обладает средствами этого преодоления. К тому же «врага в лице Советов» (и его возможных коммунистических союзников внутри некоторых европейских стран) более не существует. Кроме того, осуществление проекта заслонило собой память о крупнейших вооруженных конфликтах, которыми были отмечены полтора века европейской истории: три основных страны континента – Франция, Германия и Россия – наконец примирились. Все эти перемены являются, по моему мнению, позитивными и содержат в себе еще более пози-

тивный потенциал. Безусловно, внедрение этого проекта опиралось на экономические основы, вдохновляемые принципами либерализма, однако такого либерализма, который вплоть до 1980-х годов регулировался социальными параметрами. Общественное измерение учитывалось при помощи механизма «социально-демократического исторического компромисса», который обязывал капитал приспособляться к требованиям социальной справедливости, диктуемым классами трудящихся. Но позже развитие этого проекта пошло по руслу нового социального контекста, порожденного американским либерализмом с его антиобщественной сутью.

Этот позднейший поворот поверг европейские общества в многоаспектный кризис. Прежде всего имеет место экономический кризис как таковой, присущий либеральному выбору. Этот кризис усугубляется готовностью европейских стран перестроиться в соответствии с экономическими требованиями североамериканского лидера альянса и их согласием, вплоть до настоящего времени, финансировать дефицит США в ущерб собственным интересам. Далее мы имеем дело с социальным кризисом, который обостряется растущим противодействием и борьбой масс трудящихся против роковых последствий либерального выбора. Наконец, налицо начало политического кризиса, сосредоточенного вокруг отказа присоединиться, по крайней мере

безоговорочно, к нынешней стратегии США – нескончаемой войне против Юга.

Каким же будет ответ европейских народов и государств этому триединому вызову? Будет ли он вообще?

«Про-европейцы» (или, как их еще можно назвать, принципиальные сторонники интеграции Европы) разделяются на четыре довольно отличные друг от друга группы.

- 1) Те, кто почти безоговорочно отстаивает либеральный выбор и принимает лидерство Соединенных Штатов.
- 2) Те, кто отстаивает либеральный выбор, но хочет видеть Европу политически независимой, свободной от альянса с американцами.
- 3) Те, кто борется за «социальную Европу», то есть капитализм, сдерживаемый рамками нового социального компромисса между капиталом и трудом, действующего в масштабах всей Европы, при этом их не волнует европейская внешняя политика по отношению к остальному миру.
- 4) Наконец те, кто выражает свои требования сделать Европу социально ориентированной, строящей свою политику на основе «иных отношений» (как подразумевается, дружественных, демократических и мирных) с Югом, Россией и Китаем.

Конечно же, есть еще и «не-европейцы» – те, кто не считает ни один из вышеперечисленных про-европейских вариантов желаемым или даже возможным. Вплоть до настоящего момента они прочно находились в меньшинстве, но, безусловно, набирают силу. Их ряды укрепляются за счет двух фундаментально отличных сторон: за счет правых «популистов», которые отвергают постепенное развитие наднациональной политической (и, возможно, экономической) власти, за исключением, конечно, власти транснационального капитала; примыкают к ним и представители левого народного крыла, национального, гражданско-демократического и социально ориентированного.

На какие силы опирается каждая из этих тенденций и каковы шансы каждой из них на успех?

Господствующий капитал либерален по своей природе. Как следствие этого он склонен поддерживать первый из перечисленных вариантов. Самое последовательное выражение того, что я называю «коллективным империализмом Триады», являет собой Тони Блэр. Точно так же, как прежде целые секторы крупного капитала из страха перед коммунизмом сгруппировались вокруг Гитлера, так и сегодня безусловные защитники коллективного империализма Триады считают, что необходимо поддерживать Буша. В этом смысле Тони Блэр – отнюдь не Черчилль, который предпо-

чел выступить против Гитлера. Он скорее напоминает Чемберлена, который вследствие собственного малодушия пошел на уступки Гитлеру и Муссолини, рассчитывая извлечь выгоду из присоединения к сильнейшим.

Сравнивать сегодня Саддама Хусейна с Бушем – это все равно что выискивать смысл в дурном анекдоте. Можно долго мудрствовать о том, кто из них более одиозный персонаж – Саддам или Буш. Но если существует сила, угрожающая всему человечеству, то это, безусловно, Соединенные Штаты, а не Ирак.

Сплотившиеся под национальным флагом США политические классы готовы, если понадобится, «пожертвовать европейским проектом» – или по крайней мере развеять все иллюзии по этому вопросу, удерживая его в рамках тех ограничений, которые были наложены на него изначально, ведь он задумывался как европейское крыло атлантического проекта. Но Буш, как и Гитлер, рассматривает своих союзников не иначе как силы второстепенные, примкнувшие к нему без дополнительных условий. Вот почему важные сегменты политического класса, включая правых, хотя они в принципе и защищают интересы господствующего капитала, не хотят присоединяться к Соединенным Штатам, как прежде – к Гитлеру. Если в Европе

возможен Черчилль, то им должен стать Ширак. Станет ли он им?

К этой стратегии может успешно приспособиться «правый анти-европеизм», которому импонирует националистическая демагогия, например, по вопросу об иммиграции (естественно, с Юга), ей тоже может подойти либерализм, но не специфически «европейский», а глобализированный. Прототипами этого сорта союзников Вашингтона являются Аснар и Берлускони, а также раболепствующие политические классы Восточной Европы.

Следовательно, я считаю, что второй вариант реализовать трудно. Он, однако, затрагивает основные европейские страны – Францию и Германию. Выражает ли эта позиция амбиции капитала, который достаточно крепок, чтобы суметь освободиться от патронажа Соединенных Штатов? На этот вопрос у меня нет ответа. Это возможно, но интуиция подсказывает мне, что маловероятно.

Тем не менее именно этот выбор стоит перед союзниками по противостоянию с североамериканским противником – главным врагом человечества. Я говорю именно о союзниках, поскольку уверен в том, что они придут к необходимости порвать со своей зависимостью от одностороннего проекта капитала (либерализма) и искать союзников на левом фланге (только они могут придать силу их проекту независимости от Вашингтона). Альянс между второй, третьей и четвертой группами

вполне возможен, точно так же, как это было в большой антинацистской коалиции.

Если такой альянс и сформируется, то должен ли он и способен ли действовать исключительно внутри европейской системы координат, от приоритета которой сторонники интеграции Европы не могут отказаться? Я так не думаю, потому что эта система координат – в том виде, в котором она существовала и продолжает существовать, – систематически отдает предпочтение только выбору первой группы – проамериканской. Станет ли необходимым тогда развалить Европу и окончательно отречься от европейского проекта?

Я не думаю, что это необходимо или даже желательно. Возможна другая стратегия – на какое-то время оставить «склеротичный» европейский проект на его нынешнем этапе развития, но параллельно с ним развивать другие альянсы.

Здесь я бы отдал приоритет построению политического и стратегического альянса между Парижем, Берлином и Москвой, включив в него, если это возможно, Пекин и Дели. Я специально подчеркиваю приоритет политического альянса, поскольку он послужит восстановлению должных функций и статуса международного плюрализма и ООН, а стратегический альянс позволит сформировать вооруженные силы, способные дать ответ вызову Америки. Эти три или четыре дер-

жавы обладают всеми необходимыми технологическими и финансовыми средствами, подкрепленными их традиционными военными потенциалами, для создания таких сил, перед которыми США будут выглядеть гораздо слабее. Брошенный США вызов и их преступные амбиции вынуждают к таким ответным действиям. Эти амбиции отличаются своей чрезмерностью, и их необходимо подвергнуть испытанию. Создание антигегемонистского фронта является сегодня первостепенным приоритетом, сравнимым с формированием антинацистской коалиции.

Эта стратегия примирила бы «про-европейцев» второй, третьей и четвертой групп с «не-европейцами» левого фланга. Она создала бы благоприятные условия для продолжения европейского проекта, возможно, даже интегрировав в него Великобританию, освободившуюся от своего подчинения Соединенным Штатам, и Восточную Европу, отбросившую свою культуру раболепства. Но мы должны быть терпеливы, так как это долгий процесс.

Однако прежде чем эта стратегия сможет начать реализовываться, придется преодолеть несколько серьезных препятствий.

Первое препятствие – либеральный вирус, от которого должны освободиться группы, представленные правительствами Франции, Германии и России. У них есть возможность наполнить свои национальные

политэкономии приемлемым социальным содержанием. Франция и Германия могут принудить Европейский союз его принять: это позволяют существующие соглашения. Кроме того, твердая решимость этих двух стран добиться успеха могла бы изменить соотношение сил в их пользу во многих других странах.

Второе препятствие – евро. Существование этой уникальной валюты в отсутствие даже зародыша единого государства нежелательно, так как в данных условиях каждый шаг в этом направлении будет лишь укреплять проамериканский лагерь. Евро создает множество проблем, о которых говорилось выше, поскольку управление этой валютой является одновременно и коллективным, и либеральным. К счастью, Великобритания в этом управлении не участвует. Но Франция и Германия могут совместно направить управление евро по другому пути. Проект, опирающийся на теорию налога Тобина, позволил бы осуществить такую перемену одновременно с освобождением от финансовой дани, которая необходима для внедрения агрессивной стратегии Соединенных Штатов.

Третье препятствие: проект Европейской конституции (который поддерживает Жискара Д'Эстен). Этот проект необходимо отклонить уже потому, что условий для (наднациональной) европейской власти, которая в ближайшей перспективе не превратилась

бы в проекцию власти Соединенных Штатов, просто-напросто не существует. Любые шаги в сторону учреждения европейской политической структуры без укрепления европейской автономии только усилят контроль Вашингтона над подчиненными ему союзниками. Необходимо отсрочить продвижение Европы к созданию такой структуры до того времени, когда социальные и политические силы, а также их идеологические выражения станут достаточно развитыми и отработанными.

Четвертое препятствие, суммирующее все вышеперечисленные: американизация мысли, несущая в себе вирус либерализма, который следует искоренить. Без сомнения, за прошедшие полстолетия эта американизация завоевала множество новых сторонников. Это она является причиной упадка Европы, причиной ее регресса, вынуждает ее расстаться со всем, что было прогрессивным вкладом в капиталистический этап человеческого развития, то есть уничтожает те самые антитела, которые позволяли ей сопротивляться вирусу либерализма и вопреки ему продвигать демократию. (Я подчеркиваю мысль о том, что капитализм – это этап в развитии человечества, то есть промежуточная станция, а отнюдь не «конец истории».)

«Старой Европе» нечему учиться у «юной Америки». И пока будет властвовать американская стратегия, прогресс ни одного из европейских проектов невозможен.

**ВЫЗОВ ВТОРОЙ:
ВОЗРОДИТЬ СОЛИДАРНОСТЬ
НАРОДОВ ЮГА**

Руководящие принципы создания широкого альянса, на базе которого народы и государства Юга смогут восстановить свою солидарность

Исходя из занимаемых некоторыми государствами Юга позиций, а также тех идей, которыми они руководствуются, мы можем сформулировать руководящие принципы для возможного возрождения «фронта Юга». Эти принципы относятся как к сфере политики, так и к экономическому управлению глобализацией.

В политическом плане: осуждение нового принципа политики Соединенных Штатов («превентивной войны») и требование вывода всех иностранных военных баз из Азии, Африки и Латинской Америки.

Начиная с 1990 года непрекращающиеся военные вторжения Вашингтона были сфокусированы на арабском Ближнем Востоке, включая Ирак и Палестину (через безоговорочную поддержку Израиля), Балканах (Югославия, новые базы США в Венгрии, Румынии и Болгарии), Центральной Азии и Кавказе (Афганистан, Центральная Азия и бывший советский Кавказ).

Преследуемые Вашингтоном цели включают:

- 1) захват наиболее важных нефтеносных регионов мира с дальнейшим оказанием давления на Европу и Японию с целью закрепления за ними статуса подчиненных союзников;
- 2) создание постоянных американских военных баз в сердце старого мира (Центральная Азия равно удалена от Парижа, Йоханнесбурга, Москвы, Пекина, Сингапура);
- 3) последующее приготовление к грядущим «превентивным войнам» прежде всего против крупных государств, которые могут заявить о себе как о партнерах, «с которыми необходимо договариваться» (в первую очередь это Китай, но в равной мере и Россия, и Индия).

Осуществление этих целей предполагает установление марионеточных режимов, навязанных военной силой Соединенных Штатов данным странам и регионам. Как Пекину, так и Дели, и Москве с каждым разом становится все понятнее, что «сделанные в США» войны представляют явную угрозу, нацеленную скорее на Китай, Россию и Индию, чем на тех, кто стал непосредственной жертвой, как, например, Ирак.

Ныне на повестке дня стоит возвращение на позиции Бандунга и требо-

вание вывода американских военных баз из Азии и Африки – даже если при нынешних обстоятельствах неприсоединившиеся страны решили обходить вопрос об американских протекторатах в Персидском Заливе молчанием. Неприсоединившиеся страны заняли позицию, близкую к той, которую Франция и Германия отстаивали в Совете Безопасности, подчеркнув этим дипломатическую и моральную изоляцию агрессора. В свою очередь Франко-Африканский саммит содействовал возможному альянсу между Европой и Югом. Это была не просто встреча всей «Французской Африки», так как англоговорящие страны также на ней присутствовали.

В сфере экономического управления мировой системой также формируются принципы некой альтернативы, которую Юг может совместно отстаивать, так как в этом вопросе сходятся интересы всех стран Юга.

- 1) Вновь рассматривается идея о необходимости контроля над международными потоками капитала. Фактически создание счетов движения капитала, навязываемое МВФ в качестве еще одной догмы «либерализма»,

преследует единственную цель – облегчить массовый отток капитала в США для покрытия растущего американского дефицита, который, в свою очередь, является результатом дефектов экономики США и преследуемой ими стратегии военного контроля над планетой.

Страны Юга не заинтересованы в утечке своего капитала и возможном разорении, вызванном рискованными интервенциями. Следовательно, стоит усомниться в целесообразности риска «гибкого курса», который неизбежно вытекает из открытия счетов движения капитала. Вместо этого заслуживает систематического исследования и обсуждения среди неприсоединившихся стран и Группы 77 учреждение систем региональных организаций, которые бы обеспечивали относительную стабильность обменных курсов валют. В конце концов, во время азиатского финансового кризиса 1997 года Малайзия предприняла инициативу по возврату себе контроля над биржевыми операциями и одержала в этой битве победу. Сам МВФ был вынужден на это согласиться.

- 2) Вновь возникла идея упорядочивания зарубежных инвестиций. Безусловно,

страны третьего мира не предполагают закрыть двери для всех зарубежных инвестиций, как это иногда делалось некоторыми из них в прошлом. Напротив, прямые инвестиции только приветствуются. Однако методы привлечения этих инвестиций вновь стали объектом критического рассмотрения. Определенные круги в правительствах стран третьего мира принимают в расчет эти соображения.

С упорядочиванием зарубежных инвестиций тесно связана полемика по поводу такого понятия, как право на интеллектуальную и индустриальную собственность, которое ВТО хочет навязать третьему миру. Считается, что это понятие отнюдь не способствует «прозрачной» конкуренции на открытых рынках, а напротив, только усилит транснациональные монополии.

- 3) Многие страны Юга вновь осознали, что они не могут отказаться от национальной политики в области сельского хозяйства, цель которой – защищать крестьянство от разрушительных последствий дезинтеграции посредством продвигаемой ВТО «новой конкуренции», и должны заботиться о безопасности продовольственного снабжения нации.

В действительности открытие рынков сельскохозяйственной продукции, которое дает возможность США, Европе и отдельным странам Юга (из южной части Южной Америки) экспортировать избыток своей продукции третьему миру, естественно, угрожает их стремлению обеспечить собственную продовольственную безопасность. Противодействия этому явлению не существует, поскольку продукция, производимая крестьянами третьего мира, сталкивается с непреодолимыми трудностями при продвижении на рынки Севера. Эта либеральная стратегия разлагает крестьянство и усиливает процесс миграции из сельской местности в городские трущобы, благодаря чему на Юге вновь возникают крестьянские бунты, в свою очередь доставляющие властям немалое беспокойство.

Аграрный вопрос часто обсуждается, в частности в ВТО, но исключительно в плане субсидий, предоставляемых Европой и Соединенными Штатами не только на закупку продукции собственных фермеров, но в равной мере на их аграрный экспорт. Эта одержимость одним-единственным вопросом международной торговли

сельскохозяйственной продукцией явно указывает на нежелание учитывать серьезные проблемы, поднятые выше. Вдобавок это влечет за собой любопытные по своей двусмысленности последствия, когда странам глобального Юга предлагается отстаивать еще более либеральные позиции, чем те, которые приняты правительствами Севера, и все это под аплодисменты Всемирного банка. (С каких это пор Всемирный банк встает на защиту интересов Юга против Севера?) Ничто не мешает правительствам Севера отделять направленные их фермерам субсидии от тех, что предназначены для поддержания демпинга сельскохозяйственного экспорта Севера (в конце концов, если мы отстаиваем принцип перераспределения доходов в наших странах, то страны Севера имеют на это такое же право!). Странам Юга было бы гораздо лучше ориентировать свое сельскохозяйственное развитие на удовлетворение нужд внутренних рынков – необъятных и требующих приоритетного отношения, как можно дальше отстраняясь от превратностей мировых рынков продуктовых товаров. Это длительный и постепенный процесс.

4) Внешний долг уже не просто ощущимо невыносим: начинает подвергаться сомнению его легитимность. Растет необходимость в одностороннем отказе от одиозных и незаконных долгов, которая выражена в предварительной формулировке пока еще не существующего международного закона о задолженностях. Общий аудит задолженностей мог бы со всей очевидностью продемонстрировать, что значительная их часть нелегитимна, одиозна и порой даже порочна. Одни только выплачиваемые по задолженностям проценты достигли такого размера, что юридически обоснованные, но чрезмерные требования по их выплате в реальности аннулировали бы нынешний долг, придав всей операции признаки примитивной формы откровенного грабежа.

Чтобы успешно оспорить законность этих задолженностей, следует, в рамках кампании в поддержку развития и укрепления международного законодательства, пропагандировать мысль о том, что иностранные задолженности, подобно внутренним задолженностям, должны регулироваться нормальным, цивилизованным законодательством, которое

должно стать частью международного законодательства. Хорошо известно, что вопрос регулируется исключительно в рамках грубых и нецивилизованных отношений, основанных на силе, только потому, что в этой области закон молчит. Подобные отношения позволяют международным задолженностям считаться законными, хотя если бы они были внутренними (кредитор и должник являлись гражданами одной страны и несли бы ответственность в рамках ее юридической системы), это могло бы привести должника и кредитора к обвинению в «преступном сговоре».

ВЫЗОВ ТРЕТИЙ: ВОССОЗДАНИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА НАРОДОВ

Новые интернациональные перспективы

Чтобы представить себе «новую версию» Бандунга, необходимо признать, что сегодняшняя мировая система в своих основных структурах весьма отличается от той, которая существовала после окончания Второй мировой войны.

Тогдашний биполярный мир не позволял империалистическим странам жестко вмешиваться в дела неприсоединившихся

стран. Вдобавок эта биполярность объединяла партнеров капиталистических центров – США, Западную Европу и Японию – в единый империалистический лагерь. Ответом на этот вызов в обстоятельствах того времени стали концепции ориентированного на себя развития и непривязанности к мировому рынку.

Сегодня в военном плане мир стал однополярным. В то же время появляются определенные разногласия между США и отдельными европейскими странами в вопросе об управлении глобализированной системой, отныне полностью приверженной принципам либерализма. Носят ли эти разногласия конъюнктурный характер и имеют ограниченное значение или же они свидетельствуют о долговременных переменах? Связанные с этими новыми обстоятельствами стратегические предложения основываются на гипотезах, которые следует рассмотреть подробно.

ПЕРВАЯ ГИПОТЕЗА: Отныне и впредь империализм является коллективным (Триада)

На всем протяжении предшествовавших этапов развития капиталистической глобализации центров всегда было несколько. Эти центры находились в перманентной и жесткой конкуренции, и конфликты между империа-

лизмами занимали центральное положение на исторической арене. Возвращение глобализированного либерализма в начале 1980-х заставляет нас переосмыслить наличие центральной структуры современной системы. Но по крайней мере в плане управления либеральной экономической глобализацией государства центральной Триады очевидно составляют единый блок.

В таком случае неизбежен вопрос: указывают ли рассматриваемые изменения на долгосрочную качественную трансформацию – то есть центр перестает быть множественным и решительно становится «коллективным» – или же они имеют конъюнктурный характер?

Эту эволюцию можно приписать трансформациям самих конкурентных условий.

Всего несколько десятилетий назад гигантские компании вели конкурентные баталии преимущественно на своих национальных рынках, будь то в США (самый крупный в мире национальный рынок) или на рынках европейских государств (несмотря на их относительно скромный по сравнению с США объем, что ставило их в невыгодное положение). Те, кто одерживал победу на национальном рынке, могли занять выгодную позицию на рынке мировом. Сегодня объем рынка, необходимый для победы в первой серии матчей, приближается к 500–600 миллионам потенциальных потребителей. Таким образом,

битва должна происходить непосредственно на мировом рынке и победу можно одержать только на этом пространстве.

Так что победителями становятся те, кто восторжествует на этом главном рынке и вдобавок – на своих соответствующих национальных пространствах. Расширенная глобализация становится полем действия крупных компаний. Другими словами, отношение между национальным и глобальным, причинно-следственная связь между ними поменялись местами – если прежде национальные власти контролировали присутствие компании на мировом рынке, то сегодня справедливо обратное. В результате транснациональные компании, вне зависимости от их национальной принадлежности, имеют общие интересы в управлении мировыми рынками. Эти интересы превалируют над постоянными коммерческими конфликтами, которые характеризуют все свойственные капитализму формы конкуренции.

ВТОРАЯ ГИПОТЕЗА: В системе коллективного империализма США не обладает решающим экономическим преимуществом

Расхожее мнение гласит, что военная мощь США представляет собой лишь вершину айсберга, что превосходство этой страны распространяется на все сферы жизни, в осо-

бенности на экономику, но также на политику и культуру. Поэтому неизбежно подчинение их гегемонии.

На самом деле производственная система США далека от того, чтобы быть «самой эффективной в мире». Наоборот, почти ни один из ее сегментов не выдержал бы конкуренции со своими соперниками на действительно открытом рынке, каким его представляют либералы.

Посмотрите на торговый дефицит США, который от года к году растет, и со 100 миллиардов долларов в 1989 году увеличился до 450 миллиардов в 2000-м. Кроме того, этот дефицит касается практически всех сегментов производственной системы. Даже тот избыточный доход в сфере высоких технологий, которым воспользовались США, составлявший в 1990 году 35 миллиардов долларов, с тех пор уступил место дефициту. Конкуренция между Ariane и NASA в области космических технологий, а также между Airbus и Boeing свидетельствует о том, что в пресловутом американском преимуществе есть свои слабые места. В столкновении с продукцией высоких технологий европейского и японского производства, с товарами широкого потребления из Китая, Южной Кореи и других индустриализованных стран Азии и Латин-

ской Америки, а также сельскохозяйственной продукцией из Европы и Южной Америки, США, вероятно, конкуренции бы не выдержали. Почему они и вынуждены прибегать к «не совсем экономическим» мерам против своих конкурентов – в нарушение правил либерализма!

Фактически США обладают неизменным сравнительным преимуществом только в военном секторе, и именно потому, что этот сектор по большей части обходит правила рынка и пользуется поддержкой государства. Безусловно, от этого преимущества кое-что перепадает и гражданскому сектору (известным примером этого является Интернет), однако это в равной мере становится причиной серьезных искажений, создающих препятствия во многих производственных отраслях.

Североамериканская экономика паразитирует на своих партнерах по мировой системе.

Как указывает Эммануэль Тодд, «10 процентов промышленного потребления США зависит от импорта товаров, не покрываемых экспортом их отечественной продукции». Мир производит, а США (национальные сбережения которых практи-

чески равны нулю) потребляют. «Преимущества» Соединенных Штатов – это преимущества хищника, чей дефицит покрывается чужими взносами, либо добровольными, либо под принуждением. Используемые Вашингтоном методы компенсации своих недоимок разнообразны – это и повторяющиеся односторонние нарушения принципов либерализма, экспорт оружия, погоня за сверхприбылью от нефти (предполагающая систематическую эксплуатацию производителей – вот в чем истинная причина войн в Центральной Азии и в Ираке). Факт остается фактом: большая часть американского дефицита покрывается за счет притока капитала из Европы, Японии и стран Юга (богатые нефтью страны и компрадорские классы всех без исключения стран третьего мира, включая наиболее беднейшие из них), к этому следует присовокупить регулярное опустошение ресурсов под видом обслуживания долгов, от которого страдают почти все страны на периферии мировой системы.

Солидарность господствующих сегментов транснационального капитала всех партнеров по Триаде реальна и выражается в сплоченности вокруг глобализированного неолиберализма. В этом отношении США выступают в роли защитника общих интересов – по необходимости и военными средствами. Но Вашингтон не намерен делиться

доходами от своего лидерства поровну. Напротив, Соединенные Штаты стремятся сделать из своих союзников вассалов, они готовы идти лишь на незначительные уступки своим младшим союзникам по Триаде. Приведет ли этот конфликт интересов внутри господствующего капитала к развалу атлантического альянса? Это не исключено, но маловероятно.

ТРЕТЬЯ ГИПОТЕЗА: Проект военного контроля над планетой имеет своей целью восполнить недостатки в экономике Соединенных Штатов. Этот проект угрожает всем странам третьего мира

Эта гипотеза логически вытекает из предыдущей. Стратегическая решимость Вашингтона извлекать выгоду из своего подавляющего военного превосходства, прибегая ради этого к «превентивным войнам», планирование которых они осуществляют единолично и единолично же принимают решения их развязывать, имеет в качестве своей цели стремление к разрушению любых надежд «великих наций» (например, Китая, Индии, России, Бразилии) или регионального блока стран третьего мира стать реальным партнером в деле формирования мировой системы, даже если она будет капиталистической.

ЧЕТВЕРТАЯ ГИПОТЕЗА: Юг может и должен освободиться от либеральных иллюзий и взяться за построение обновленных форм ориентированного на себя развития

В настоящее время правительства Юга все еще борются за «истинный неолиберализм», который позволил бы партнерам как с Севера, так и с Юга договориться об «игре по правилам». Однако страны Юга вскоре поймут, что эта надежда иллюзорна.

Следовательно, им будет необходимо вернуться к неизбежной концепции того, что всякое развитие ориентируется на себя. Развитие означает, прежде всего, определение национальных приоритетов, которые откроют дорогу модернизации систем производства, и создание внутренних условий, при которых эти системы будут служить социальному прогрессу. Тогда формы отношений рассматриваемых наций с развитыми капиталистическими центрами станут подчиняться требованиям этой логики. Непривязанность (это мой собственный термин) – которая суть не одно и то же, что представляет собой автаркия, – помещает концепцию развития на противоположный полюс от (либерального) принципа «структурного приспособления» под нужды глобализации, при которой развитие принудительно подчиняется исключительным требованиям экспансии господствующего транснационального капитала, что углубляет неравенство в мировых масштабах.

ПЯТАЯ ГИПОТЕЗА: Выбор США в пользу милитаристской глобализации непосредственно бьет по интересам Европы и Японии

Эта гипотеза также следует из второй гипотезы. Цель Соединенных Штатов, среди прочего, состоит и в том, чтобы поставить их европейских и японских партнеров в подчиненное положение (положение вассалов), используя военные средства для захвата всех стратегических ресурсов планеты (в особенности нефти). Американские нефтяные войны направлены против Европы. Европа (и Япония) могут в определенной степени парировать эту стратегию путем сближения с Россией, которая способна отчасти обеспечить их нефтью и некоторыми другими необходимыми сырьевыми материалами.

ШЕСТАЯ ГИПОТЕЗА: Европа должна и способна освободиться от вируса либерализма. Однако эта инициатива не может исходить от сегментов господствующего капитала, а исключительно от народов

Господствующие сегменты капитала, конечно же, стоят на защите глобализированного неолиберализма и согласны платить за это своим подчиненным по отношению к североамериканскому лидеру положением. Европейские правительства и поныне считают,

что должны отдавать исключительный приоритет защите интересов этих сегментов.

У народов Европы есть другое видение как европейского проекта, в котором они хотят видеть социальный проект, так и своих отношений с остальным миром, которые должны следовать принципам законности и справедливости. Это видение они выразили в настоящее время тем, что осудили – подавляющим большинством – политический уклон Соединенных Штатов. Если эта гуманистическая и демократическая политическая культура «старой Европы» восторжествует – а весьма вероятно, что так и произойдет, – то подлинное сближение между Европой, Россией, Китаем, Азией и Африкой создаст основу, на которой станет возможным построить демократичный и свободный от войн многополярный мир.

Основное противоречие, разделяющее Европу и Соединенные Штаты, лежит не между интересами господствующего капитала Европы и США, а в области политической культуры.

В Европе всегда остается возможной левая альтернатива. Эта альтернатива одновременно вынудила бы и к разрыву с неолиберализмом (и отказу от напрасной надежды подчинить Соединенные Штаты его требованиям, что заставило бы европейский капитал

вступить в экономическую конкуренцию на еще не разминированной территории), и к отходу от политических стратегий Соединенных Штатов. Избыточный капитал, размещением которого в Соединенных Штатах Европа до сих пор довольствовалась, мог бы быть тогда выделен на экономическое и общественное возрождение, которым он крайне необходим. Но стоит Европе отдать приоритет своему собственному экономическому и социальному прогрессу, так кажущемуся процветанию экономики Соединенных Штатов сразу же придет конец и правящий класс Америки окажется лицом к лицу со своими собственными социальными проблемами. Именно этот смысл я вкладываю в свои слова, когда говорю: «Европа станет левой или ее не станет».

Чтобы добиться успеха, европейцам необходимо расстаться с иллюзией того, что карта либерализма должна и может быть разыграна «честно» всеми, и тогда все пойдет как надо.

Соединенные Штаты не могут отказаться от своего варианта асимметричного воплощения либерализма, потому что это единственный способ компенсировать их собственные недостатки.

Европейские политические традиции разнообразны, в определенной степени они даже контрастируют с традициями Соеди-

ненных Штатов. В Европе существуют политические, социальные и идеологические силы, которые порой совершенно очевидно поддерживают видение «другой Европы» (социальной и дружественной в своих отношениях с Югом). Однако есть и Великобритания, которая еще в 1945 году сделала исторический выбор и безоговорочно примкнула к Соединенным Штатам. Существуют политические традиции правящих классов Восточной Европы, сформированные в условиях культуры, которой свойственна покорность – они склонили голову перед Гитлером, потом перед Сталиным, а сегодня перед Бушем. Есть популистские идеологии правого толка (испытывающие ностальгию по Франко и Муссолини в Испании и Италии), они настроены проамерикански. К чему это приведет в итоге – к подчинению Вашингтону или к победе прогрессивных гуманистических и демократических культур?

СЕДЬМАЯ ГИПОТЕЗА: Реконструкция прочного фронта Юга требует участия всех его народов

Существующие во многих странах Юга политические режимы, мягко говоря, недемократичны, порой они просто одиозны. Эти авторитарные структуры власти отдают предпочтение компрадорским фракциям, чьи инте-

рессы связаны с экспансией глобального империалистического капитала.

Альтернатива этому – создание единого фронта народов Юга – возможна через демократизацию. Этот процесс неизбежно будет трудным и долгим, и путь к ней ни в коем случае не лежит через установление марионеточных режимов, которые отдают ресурсы своих стран на разграбление транснациональным корпорациям Северной Америки. Эти режимы даже более уязвимы, доверия и легитимности у них еще меньше, чем у тех, которые они, под защитой американских штыков, замещают. В конце концов целью Соединенных Штатов, несмотря на все лицемерные рассуждения, отнюдь не является экспорт демократии в мировом масштабе.

ВОСЬМАЯ ГИПОТЕЗА: Новый интернационализм народов, объединяющий европейцев, азиатов, африканцев и американцев, следовательно, возможен

Эта гипотеза, которая вытекает из предыдущей и является ее завершением, утверждает, что существуют условия, позволяющие сблизиться народам, по крайней мере Старого Света.

Это сближение кристаллизуется на международном дипломатическом уровне через стабилизацию оси Париж – Берлин – Москва – Пекин, которую укрепит развитие дру-

жественных отношений между этой осью и воссозданным афро-азиатским фронтом.

Само собой разумеется, что движение в этом направлении сведет на нет чрезмерные и преступные амбиции Соединенных Штатов. В этом случае они будут вынуждены принять принципы сосуществования с непреклонными в решимости отстаивать свои интересы народами.

В данный момент эта цель должна рассматриваться как абсолютно приоритетная. Развертывание американского проекта предопределяет исход любых усилий: до тех пор, пока американские планы не будут сорваны, никакой долговременный социальный и демократический прогресс невозможен.

ДЕВЯТАЯ ГИПОТЕЗА: Вопросы, связанные с культурным разнообразием, должны обсуждаться в контексте очерченных здесь международных перспектив

Культурное разнообразие является фактом. Но это сложный и неоднозначный факт. Унаследованное от прошлого разнообразие не обязательно синонимично разнообразию создаваемого будущего. Необходимо не просто признать, но также исследовать этот вопрос.

Апелляции лишь к тому разнообразию, которое было унаследовано от прошлого (политический ислам, индийскость, конфуцианство,

негритюд, шовинистские этничности и пр.), зачастую являются демагогическими упражнениями авторитарных и компрадорских сил, позволяющими им уходить от проблем, которые ставит перед ними универсализация цивилизации, и тем самым фактически принимать диктат господствующего транснационального капитала. Вдобавок исключительное упорство в соблюдении этих традиций дробит третий мир, сталкивая политический ислам с индиейскостью в Азии, мусульман, христиан и последователей других религий в Африке. Построение единого политического фронта Юга на новых принципах – способ преодолеть эти барьеры, поддерживаемые американским империализмом. Но, с другой стороны, каковы универсальные «ценности», на которых может быть построено будущее? Западноцентристская и ограниченная интерпретация этих ценностей узаконивает неравное развитие – результат прошлой и нынешней глобальной капиталистической экспансии. Такая интерпретация должна быть отвергнута. Но как тогда внедрять подлинно универсальные концепции, в которые привнесут свой вклад все страны и народы? Пришло время говорить именно об этом.

содержание

	Введение	6
I	«Либеральный» взгляд на общество	11
II	Идеологические и псевдотеоретические основы либерализма	17
III	Последствия — фактически существующий глобализированный либерализм	41
IV	Истоки либерализма	75
V	Современные вызовы либерализма	125

Самир Амин

**ВИРУС ЛИБЕРАЛИЗМА:
перманентная война
и американизация мира**

Ответственный за выпуск *Т. Рапопорт*

Редактор *Н. Рудницкая*

Художественный редактор *С. Захаров*

Технический редактор *А. Монахов*

Дизайн-макет и обложка
студия чайкаdesign

Верстка *Е. Романова*

Корректор *В. Кипша*

Подписано в печать 01.03.2007.

Формат 70×100 ¹/₃₂.

Гарнитура NewBaskerville.

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 7,8. Тираж 2000 экз.

Издательство «Европа»

119180, г. Москва, ул. Б. Якиманка, д. 1

Тел. 745-52 25, факс 725-78-67

e-mail: info@europublish.ru

Отпечатано с оригинал-макета
в типографии «Наккара-принт»

Самир Амин (р. 1931) – известный экономист и политолог. В 1960–1963 гг. – советник по планированию при правительстве Мали. В 1964–1970 гг. – профессор Парижского университета, университетов в Пуатье, Дакаре.

В 1970–1980 гг. – директор Института экономического развития и планирования в Дакаре, затем руководитель проекта «Будущее Африки» (Институт научных исследований и образования ООН, Дакар). В настоящее время – директор международной ассоциации интеллектуалов Африки, Азии и Латинской Америки «Форум третьего мира» (Дакар). Автор более 30 книг, большая часть которых переведена на многие языки мира.

Нынешний американский проект, направленный на установление господства над миром посредством военной силы, восходит корнями к европейскому либерализму, однако некоторые черты либеральной идеологии получили в нем новое и исключительно опасное развитие. Если европейская политическая культура, начиная с французской революции, отдавала центральное место понятиям равенства, американское государство эволюционировало в слугу интересов капитала, и только его.

Эта модель ныне насаждается в глобальных масштабах. Империализм США будет отличаться большой степенью варварства, выражаемой в разграблении ресурсов и уничтожении жизни бедных людей.

«Вирус либерализма» показывает, как американская модель «демократии низкой интенсивности» размывает гражданство и классовое сознание, заменяя их идеей демократизации как постоянно развивающегося процесса – фундаментально важного для прогресса человечества.